

ФЛОТ
В БЕЛОЙ
БОРЬБЕ

Белое движение в России

Флот в Белой борьбе. Том 9

«Центрполиграф»

2023

УДК 94(47)084.3
ББК 63.3(2)612

Флот в Белой борьбе. Том 9 / «Центрполиграф», 2023 — (Белое движение в России)

ISBN 978-5-227-10015-3

Книга «Флот в Белой борьбе» представляет собой девятый том серии, посвященной истории Белого движения в России, и описывает участие в Гражданской войне русских военных моряков. В книге приведены воспоминания участников Белой борьбы на морях, крупных озерах и реках России. Рассмотрены судьбы русских эскадр, которые вынуждены были интернироваться и разоружиться за рубежом, а также эмигрантские организации моряков. За небольшим исключением помещенные в томе материалы в России никогда не издавались, а опубликованные за рубежом представляют собой библиографическую редкость. Том снабжен предисловием и обширными комментариями, содержащими несколько сот публикуемых впервые биографических справок об авторах и героях очерков. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)084.3
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-227-10015-3

, 2023

© Центрполиграф, 2023

Содержание

Предисловие	7
Раздел 1	10
Н. Кадесников1	10
На Балтийском море	10
На Дону	13
На Черном и Азовском морях	16
Моряки на Северо-Западном фронте	23
Северный фронт. Онежская озерная флотилия	24
На Каспийском море в 1918–1919 годах	28
На Волге, Каме и сибирских реках	33
Гардемарины на Дальнем Востоке	39
«Флотилия» в водах Дальнего Востока 1921–1922 годов	41
Крымская эвакуация	44
Реорганизация флота в эскадру	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Флот в Белой борьбе
Составление, научная редакция,
предисловие и комментарии д.и.н.
Сергея Владимировича Волкова

Белое движение

Том 9

© С.В. Волков, состав, предисловие, комментарии, 2023

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2023

Предисловие

Девятый том серии «Белое движение в России» посвящен участию в Белом движении моряков. Флот вследствие относительно небольших потерь в личном составе в 1914–1917 годах (от рук революционеров в 1917 году погибло больше офицеров, чем за все время мировой войны) ко времени большевистского переворота в несравненно большей степени, чем сухопутная армия, сохранил свой кадровый состав. Поэтому и доля морских офицеров, принявших участие в Белой борьбе, была (как и для гвардии и армейской кавалерии) особенно велика (в той или иной мере участвовало в Белой борьбе до 80 % кадровых строевых офицеров флота).

Первые моряки Добровольческой армии были собраны в Морской роте. В 1-м Кубанском походе участвовали 16 чинов флота. Очень активно участвовали в борьбе морские кадеты: из 49 кадет 5-й роты (то есть в возрасте 15 лет) Морского корпуса в Петрограде, судьба которых известна, 43 сражались в Белой армии, из кадет Севастопольского корпуса 13 были за храбрость произведены в офицеры. В 1918 году большинство морских офицеров воевали на суше. Ими, в частности, были укомплектованы команды бронепоездов «Адмирал Непенин» (капитан 2-го ранга В.Н. Марков, потом старший лейтенант А.Д. Макаров), «Дмитрий Донской» (капитан 2-го ранга Б.Н. Бушей), «Князь Пожарский» (капитан 1-го ранга В.Н. Потемкин) и др.

Флот удалось организовать не сразу. 24 ноября 1918 года суда в Севастополе подняли Андреевские флаги, но вскоре были заняты англо-французами. Первым кораблем Черноморского флота Добровольческой армии стал реквизированный в Новороссийске ледокол «Полезный», чуть позже к нему присоединились подводная лодка «Тюлень» и канонерка «К-15». В апреле 1919 года из Севастополя в Новороссийск был уведен крейсер «Кагул». В начале мая в составе флота, кроме них, имелись миноносец «Живой», пароход «Граф Игнатъев», буксир «Никола Пашич», посыльные суда «Буг» и «Разведчик», летом – более десятка судов. Летом флот Добровольческой армии насчитывал уже более десятка судов. С конца 1919-го – начала 1920 года флот состоял из трех отрядов и имел в 1920 году свыше 120 судов, в том числе линейный корабль, крейсер, 3 вспомогательных крейсера, 8 эсминцев и 9 канонерских лодок. После эвакуации Крыма Черноморский флот был преобразован 21 ноября 1920 года в Русскую эскадру, которая пришла в Бизерту (Тунис), где просуществовала до 1924 года.

В 1918–1919 годах существовало особое Морское управление Донской армии (контр-адмирал И.А. Кононов), образовавшее флотилию из речного Донского и Азовского отрядов. Весной 1919 года Азовская флотилия была переименована в Днепровскую и перешла на Днепр, где в мае были созданы Верхне-Днепровская, Средне-Днепровская и Нижне-Днепровская флотилии. Весной 1919 года была организована Каспийская флотилия, на которую прибыла группа морских офицеров, находившаяся в Персии, а также отправлены морские офицеры, собранные из частей Добровольческой армии. Флотилия действовала до начала 1920 года, после чего ее остатки, отошедшие во главе с капитаном 1-го ранга Б.Н. Бушеном в Энзели (до 700 человек при более 200 офицерах), спаслись в Персии, а большинство офицеров было в сентябре 1921 года переправлено во Владивосток, где они составили кадр Сибирской флотилии.

В состав войск Северной области входила флотилия Северного Ледовитого океана. Она существовала при большевиках под прежним командованием, при нем же вошла в состав войск Северного фронта. В состав флотилии входили линейный корабль «Чесма», несколько эсминцев и ряд более мелких кораблей и судов. Большинство ее офицеров воевали на сухопутном фронте и в составе Онежской озерной, Печорской и Северо-Двинской речных флотилий, но морских офицеров было гораздо больше, чем имелось для них судов. Поэтому морских офицеров приходилось привлекать и для пополнения фронтового комсостава. Как и на юге, ими укомплектовывались бронепоезда. На бронепоездах служило несколько десятков морских

офицеров, в большинстве расстрелянных потом после капитуляции. Ими были также укомплектованы Архангельская отдельная флотская рота и 1-й Морской стрелковый батальон.

Морских сил в Северо-Западной армии практически не было (хотя имелось Морское управление), если не считать перешедшую от красных Чудскую флотилию из 3 судов и созданную в Нарове небольшую речную флотилию под началом капитана 1-го ранга Д.Д. Тыртова. Но в армии воевало до 250 морских офицеров и гардемарин.

На востоке в первых же числах июня 1918 года было положено начало Волжской флотилии, личный состав которой позже переведен был на Камскую флотилию (при эвакуации с Камы она имела свыше 100 офицеров). Впоследствии из моряков в Красноярске была сформирована Бригада морских стрелков. В августе 1919 года часть морских офицеров направлена на Обь-Иртышскую флотилию, а 70 офицеров во главе с капитаном 2-го ранга П.В. Тихменевым пошли на создание Морского учебного батальона, который с сентября непрерывно находился в боях и почти полностью погиб. Сибирская флотилия была сформирована осенью 1918 года во Владивостоке в составе нескольких миноносцев и транспортов. Летом 1919 года в ее составе создан Учебный отряд для подготовки кадет Морского училища (канонерская лодка «Маньчжур», посыльное судно «Якут», ледоколы «Улисс» и «Диомид», прикомандированный миноносец «Смелый», а с декабря 1919 года – еще вспомогательный крейсер «Орел», эсминцы «Бойкий» и «Грозный»). В начале 1920 года после гибели адмирала Колчака корабли флотилии были захвачены образовавшимся во Владивостоке левым правительством. В ходе переворота 26 мая 1921 года решающую роль сыграл десантный отряд из чинов флотилии во главе с капитаном 2-го ранга Соловьевым. В это время флотилия насчитывала 25 судов и состояла из 3 дивизионов. Качественный состав флотилии из-за наличия значительного числа левых элементов был гораздо хуже, чем армии, но 23 сентября 1921 года флотилия пополнилась прибывшими чинами Каспийской флотилии (около 80 офицеров и свыше 200 матросов), что резко изменило ее облик. 24 октября 1922 года флотилия эвакуировала части Дальневосточной армии в Корею, а затем в Шанхай, после чего в январе 1923 года прибыла на Филиппины, где была расформирована.

В эмиграции моряки держались весьма сплоченно и практически все входили в ту или иную организацию. Зарубежные русские морские организации можно разделить на два основных типа. К первому относились строевые организации, представляющие собой кадры флота и созданные непосредственно на базе Черноморского флота Русской Армии (Русской эскадры в Бизерте). Они объединялись Военно-Морским союзом (во главе с вице-адмиралом М.А. Кедровым), который был образован 3 октября 1929 года. Председатель его был помощником председателя Русского общевойскового Союза (в который в 1924 году была преобразована Русская Армия). Союз объединял чинов флота по группам в зависимости от места жительства, а в Париже (где их было больше всего) – по выпускам из учебных заведений и месту прежней службы. Здесь существовало 15 групп. Вне Парижа существовали группы в Марселе, Алжире, Ницце, Нанси, Каннах, Ментоне, Судане, Афинах, Белграде, Бухаресте, Гельсингфорсе, Чехословакии, в Брно, Норвегии, Германии, Эстонии, Аатвии, Болгарии и Шанхае. Ко второму типу относились корпоративные организации нестроевого характера: кают-компании, разного рода общества взаимопомощи, объединения выпускников морских учебных заведений и научные кружки. Они в большинстве своем входили во Всезарубежное объединение морских организаций. Некоторые из этих организаций возглавлялись лицами, одновременно руководившими организациями, входящими в Военно-Морской союз. В ряде городов имелось по несколько морских организаций (как входящих, так и не входящих в Военно-Морской союз): 25 в Париже, 4 в Белграде, по 3 в Алжире, Гельсингфорсе, по 2 в Афинах, Берлине, Брно, Бухаресте, Ницце, Пльзене, Ревеле, Риге, Тунисе и Шанхае. В середине 30-х годов насчитывалось около 30 морских организаций, а к началу 40-х более 50 (как правило, они должны были иметь не менее пяти человек). Наиболее крупными в 20-х годах были Тунисский отдел Общества русских офице-

ров (64 человека), Общество бывших русских морских офицеров в Америке (124); Парижская кают-компания насчитывала 343 человека. В середине 1960-х годов еще действовало 10 морских организаций с общей численностью 608 человек (79 в США, 59 во Франции, остальные в Бельгии, Тунисе, Аргентине и Австралии).

Морскими офицерами за рубежом было издано немало мемуарной литературы, в составе которой видное место занимают и воспоминания о Гражданской войне. Выходил целый ряд журналов, прежде всего «Морской журнал», «Морские записки», «Вахтенный журнал», более полусотни книг было опубликовано в серии «Русская морская зарубежная библиотека».

В настоящем издании собраны воспоминания участников боев в составе морских и речных сил белых армий на различных фронтах Гражданской войны. В разное время они были опубликованы в русской эмигрантской литературе. Эти воспоминания (за исключением очерка Н.З. Кадесникова) никогда в России не публиковались.

Как правило, все публикации приводятся полностью. Авторские примечания помещены (в скобках) в основной текст. Везде сохранялся стиль оригиналов, исправлялись только очевидные ошибки.

Поскольку в Белой армии на юге России вплоть до ее эвакуации из Крыма использовался старый стиль, все даты, кроме особо оговоренных случаев, приводятся по этому стилю.

Поскольку фамилии, имена и отчества приводятся авторами мемуаров по памяти, их написание в тексте может отличаться от истинного и общепринятого, приведенного в комментариях составителя.

С.В. Волков

ФЛОТ В БЕЛОЙ БОРЬБЕ

Раздел 1

Н. Кадесников¹

Краткий очерк Белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917–1922 годах²

На Балтийском море

28 февраля 1917 года в Таврическом дворце в Петрограде «самотеком» образовался орган неофициальной, но сильной власти – Совет рабочих и солдатских депутатов, а 4 марта Временный комитет членов Государственной Думы объявил о создании Временного правительства. Результаты этого недопустимого двоевластия не замедлили тотчас же сказаться не только в столице встревоженной страны, но и в близких и далеких провинциях.

Кровавые бунты в Гельсингфорсе, Кронштадте, Ревеле, предательское убийство командующего Балтийским флотом адмирала Непенина³ и гибель многих морских офицеров⁴ служили грозным предостережением надвигающихся на нашу великую страну трагических событий и неслыханных испытаний.

Около 12 часов ночи на 3 марта 1917 года в Пскове Государь Император Всероссийский Николай II Александрович вручил делегатам Государственной Думы Гучкову и Шульгину и командующему Северным фронтом генералу Рузскому два экземпляра манифеста об отречении от престола за себя и сына и передаче наследия великому князю Михаилу Александровичу. Зная настроение, царящее в Совете рабочих и солдатских депутатов, и непримиримую позицию министра юстиции Временного правительства А. Керенского, великий князь Михаил Александрович, переговорив с председателем Государственной Думы М. Родзянко, заявил о своем решении отречься, что и было обнародовано в тот же день.

25 октября (7 ноября) 1917 года в Петрограде состоялся последний большевистский переворот, после которого власть окончательно перешла в руки Ленина и Троцкого. Гнилая, мотающаяся во все стороны «керенщина» – как отметил адмирал Тимирев⁵ – почти без борьбы уступила место царству наглых и безжалостных авантюристов, ради личных, узких целей решивших проделать свой чудовищный эксперимент над живым организмом, обессиленным войной и, в особенности, революцией, России. В полном соответствии с законами исторической последовательности наступил последний финальный акт революционного углубления, ввергнувший Россию на самое дно и вычеркнувший ее на много лет из числа культурных стран.

Полагаем, не будет ошибкой считать, что именно с этих дней началась борьба подлинные русские патриоты – моряков с преступной большевистской властью. Да и могло ли быть иначе, когда во главе Морского ведомства фактически оказался баталерский юнга с «Гангута», судимый за кражу бушлата, некий Дыбенко⁶, руководителем же «мозга флота» – Генерального штаба явился самозванный мичман-недоучка Раскольников (Ильин)⁷.

Все сидевшие еще на ответственных местах деловые, разумные и опытные офицеры, не утратившие понятия о чести и служебной порядочности, почувствовали, что при создавшихся невыносимых условиях дальнейшее пребывание у власти есть преступление перед Родиной и своей совестью. Из состава высшей административной власти Морского ведомства ушли: адмирал Вердеревский⁸ – министр, который, сказавшись больным, случайно избег ареста;

капитан 1-го ранга граф Капнист⁹ – начальник Морского Генерального штаба и капитан 2-го ранга Кукель¹⁰ – помощник морского министра, которые открыто заявили о своем нежелании подчиняться новой власти, за что и были арестованы... Адмирал Дудоров¹¹, другой помощник министра, уже назначенный на должность морского агента в Японии, пробрался через Сибирь к месту своего назначения.

В средних числах ноября того же 1917 года, в день ухода популярного адмирала Развозова¹² с должности командующего Балтийским флотом, у начальника обороны Моонзунда и старшего в районе военных действий адмирала Бахирева¹³ на «Чайке» состоялось собрание флагманов. Адмирал М.К. Бахирев напомнил об общем решении, принятом еще месяц назад, в случае ухода адмирала Развозова и введения большевистского «положения» оставить службу. При обмене мнений произошел раскол, который разделил адмиралов на два противных лагеря.

К лагерю убежденных и твердых противников большевизма, не идущих ни на какие компромиссы и считающих несовместимым со своей совестью, честью, понятием о служебном долге и пользой для Родины оставаться добровольно на службе у большевиков, принадлежали адмиралы Развозов, Бахирев, князь Черкасский¹⁴, Паттон¹⁵, Старк¹⁶, Мих. Беренс¹⁷ и Тимирев. Рапорты об отчислении от должности, кроме названных адмиралов, подали Пилкин¹⁸, Шевелев¹⁹ и др., с коими мы позже встретимся на фронтах открытой борьбы.

По инициативе нескольких энергичных молодых офицеров в Морском Собрании было организовано общее собрание всех морских офицеров, находившихся в Гельсингфорсе. На этом собрании присутствовало около 200 офицеров. Обсуждался приблизительно тот же вопрос, который был поднят на заседании у адмирала Бахирева.

Тогда же, после нескольких горячих и искренних речей, сказанных без цензуры и наэлектризовавших аудиторию, на словах была вынесена единогласная резолюция по всем присутствующим отказаться от службы с большевиками. К сожалению, эта резолюция не была немедленно зафиксирована подписями и под давлением разных обстоятельств с течением времени многие отказались от своего первого решения, оправдываясь тем, что они большую пользу принесут Родине, оставаясь на службе и участвуя в подпольной работе для сокрушения советского режима.

Так или иначе, но убежденно не примирившиеся с советским режимом офицеры пользовались всяким случаем и в разное время группами и в одиночку, часто с подложными документами и под гримом, разными путями, но всегда рискуя жизнью, просачивались через большевистские кордоны к окраинам империи, где организовались открытые вооруженные фронты борьбы за «нашу» Россию.

В подтверждение только что изложенного не лишне сказать, что лишь с одного «Гангута» и только на южный фронт Белой борьбы в ту пору, но в разные моменты и при различных обстоятельствах перебежали: мичманы Никифораки²⁰ и Тарновский²¹, инженер-механик мичман Кадесников²², лейтенанты Христофоров²³ и фон Раабен²⁴, старший лейтенант Комаров²⁵ и капитан 2-го ранга Дон²⁶. В Финляндию, в оставленный большевиками Гельсингфорс, перебрался инженер-механик лейтенант Бернацкий²⁷.

Между тем как у здравомыслящих и честных офицеров, так и у гардемарин и морских кадет, находившихся в Петрограде, укрепилось уже мнение, что Временное правительство не способно остановить разложение вооруженных сил и восстановить нарушенный порядок, а потому и Октябрьский переворот был встречен ими с безразличием. В глазах многих из них большевистское правительство было столь же невозможно, как и Временное, показавшее свое полное неумение и бессилие управлять страной.

Но происходившие в Петрограде события не могли не оказать влияния на внутреннюю жизнь наших морских училищ и вызывали новые и смелые решения.

Еще летом того же 1917 года среди молодых офицеров армии и флота и учащейся военной молодежи возникла мысль о необходимости организовать для защиты Родины и вооруженных сил страны от ведущихся посягательств внутренних и внешних врагов.

Воспользовавшись именем Совета Союза Казачьих войск, находившихся в Петрограде на Знаменской улице, была создана патриотическая организация, во главе которой стоял командир лейб-гвардии Измайловского полка полковник Веденяпин²⁸. Эта организация состояла из офицеров полка, офицеров кавалерии, Дикой дивизии и моторизованных войск. Один из наиболее деятельных лиц этой организации капитан Измайловского полка В. Парфенов²⁹ через своего брата³⁰, старшего кадета Морского училища, и при посредстве некоторых гардемарин распространил влияние своей организации и на воспитанников Морского училища. Во время большевистского переворота несколько воспитанников были тайно посланы для связи с другими военными училищами. Вскоре вступившие в организацию Союза Казачьих войск получили приказание пробиваться на юг России и организованными пятерками покидали училище. Однако после отъезда первых пятерок за оставшимися началась слежка и дальнейший отъезд был затруднен.

Наряду с развалом армии, развал Балтийского флота быстрыми шагами приближался к естественному концу. Это особенно чувствовалось после зверского убийства командующего флотом адмирала Непенина и еще больше после вынужденного создавшимися обстоятельствами ухода со своего поста адмирала Развозова.

Многие офицеры, потеряв веру в идею службы, стали открыто манкировать своими обязанностями, некоторые же, более крепкие духом, искали достойного выхода из гнетущего тупика. Как один из примеров такого рода опишем здесь, что сообщил нам капитан 2-го ранга А.П. Ваксмут³¹:

«Я, будучи почти не у дел в Гельсингфорсе, решил обратиться за советом к контр-адмиралу М.А. Беренсу. Он мне ответил: «Подождите, я еду в Москву, а когда вернусь, то скажу, что вам делать».

В начале декабря 1917 года адмирал вернулся, и я, явившись ему, получил указание ехать в Новочеркасск, где должен был пойти на Барочную улицу № 2 и передать пакет генералу Алексееву³². «Там, – добавил адмирал Беренс, – организуются силы для борьбы с большевиками».

Тогда же М.А. рекомендовал мне, не теряя времени и с соблюдением крайней осторожности, ехать в Петербург, найти названное кафе на Морской, где встречу капитана 1-го ранга П.М. Плена³³ (бывшего командира «Славы»), и он расскажет, как надежнее доехать до Новочеркасска.

И действительно, придя в кафе, я сразу увидел П.М., сидящего за столиком в штатском платье. Для тех же, кто лично не знал его, был дан условный знак. П.М. Плен дал мне свой адрес и просил зайти на следующий день за документами и пропуском. Придя к нему в условленное время, я застал там двух молодых офицеров: лейтенанта С. и мичмана И. с миноносца «Изяслав».

П.М. выдал нам троим удостоверение, что мы рабочие и едем на Кавказ строить какую-то дорогу. Документы были со всеми нужными печатями Советов. Где на площадках поезда, где на лошадях, а нередко и пешком по шпалам, беглецы добрались до Новочеркасска и вечером 1 января 1918 года явились на Барочную, № 2, где были устроены общежития, в которых, к общей радости, встретились с ранее прибывшими моряками.

После передачи пакета генералу Алексееву (через находившегося при штабе лейтенанта Поздеева³⁴) все были отправлены в Ростов, где на яхте «Колхида» капитан 2-го ранга Потемкин³⁵ формировал Морскую роту. Эта рота главным образом состояла из учеников местного Морского училища, гимназистов, кадет, гардемарин и прибывших разными путями преиму-

щественно молодых морских офицеров. За неимением сестер милосердия их тяжелую роль взяли на себя ростовские гимназистки».

В первые месяцы того же 1918 года, после «Ледового похода» балтийских кораблей из Гельсингфорса в Кронштадт, под флагом капитана 1-го ранга А.Н. Щастного³⁶ (А.Н. Щастный, организовавший и проводивший переход Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт, спасший от немцев около 200 выпелов, был обвинен Троцким в «саботаже» и по приговору революционного трибунала в Москве расстрелян 22 июня 1918 года), более смелые и пылкие головы (и преимущественно несемейные), мичманы, лейтенанты и гардемарины разогнанных уже приказом тогдашнего военно-морского комиссара Аьва Троцкого-Бронштейна – Морского училища, Морского инженерного училища и Отдельных гардемаринских классов, – с подложными документами и разными нелегальными путями, ежечасно смотря в глаза подстерегающей их смерти, стремились к Черному и Каспийскому морям, в Архангельск и Мурманск, к Онежскому озеру, на Волгу и даже на далекие сибирские реки, где уже из ничего создавались противобольшевицкие флотилии. В те дни и пишущему эти строки посчастливилось с подложными документами перебраться из Кронштадта через Оршу – Шктов «звериными тропами» и под покровом ночи контрабандой через Днепр в Киев гетмана Скоропадского.

От «сичевых стрильцев» под защитой нового фальшивого паспорта, но уже финского гражданина, удалось добраться до Одессы. А там Севастополь, Новороссийск, льды Азовского моря.

На Дону

Пятерки, организованные Союзом Казачьих войск в Петрограде, начали прибывать в Новочеркасск в начале ноября 1917 года. Здесь стали собираться офицеры, юнкера, кадеты и гардемарины Морского училища и Морского инженерного училища. Сюда стекались гимназисты, студенты и старые солдаты, сначала одиночно, потом и группами. В первой половине ноября прибыл в Новочеркасск и организатор формирования молодежи – капитан В. Парфенов.

Прибывшие юноши направлялись в лазарет на Барочной улице, № 36 под видом выздоравливающих, и здесь родилась первая воинская часть возрождавшейся Русской Армии – Юнкерский батальон³⁷ под командованием капитана Парфенова и состоявший из двух рот: юнкерской – командир ротмистр Скосырский³⁸ и кадетской – командир штабс-капитан Мизерницкий³⁹. В последней роте 4-й взвод был укомплектован исключительно моряками.

Около 15 ноября батальон был переведен на Грушевскую улицу, а 26-го получил приказание грузиться в вагоны, и утром 27 ноября поезд подошел к Нахичевани. Тут поезд был обстрелян большевиками, и под огнем батальон вынужденно выгрузился, быстро построился и пошел в одну из тех знаменитых атак, о которых еще и сейчас вспоминают советские историки. Идя во весь рост, не сгибаясь, Юнкерский батальон вышиб красных из Балабановской рощи, там закрепился и вел стрелковый бой, при поддержке только двух орудий Донской батареи, подчиненной генералу Назарову и при полном неучастии казачьих частей. При атаке почти полностью погиб взвод капитана Донского, состоявший из кадет Одесского и Орловского корпусов. Найденные трупы мальчиков были изрешечены штыковыми ударами.

Четвертый взвод моряков был брошен на самый левый фланг, где попал под обстрел, ведшийся с деревьев из французских широкоствольных винтовок «гра». В этом первом боевом крещении были тяжело ранены гардемарин Иван Сербинов⁴⁰ и кадет Юрий Карцев⁴¹.

Ночью Юнкерский батальон был отведен в степь, а наутро славный бой, шедший накануне между горстью юношей и подавляющим числом большевиков, пробудил-таки совесть

взрослых людей и, уже при поддержке казачьих частей, батальон снова повел наступление, закончившееся взятием Ростова.

Так, кровью морских кадет и гардемарин, перемешанной с кровью других русских детей – кадет сухопутных корпусов и гимназистов, обагрилась русская земля в первом бою, положившем основание Добровольческой армии и последовавшей затем многолетней упорной борьбы русских национальных сил против красных предателей.

После взятия Ростова началось дальнейшее развертывание кадров возрождающейся Русской Армии. В конце ноября, как было уже упомянуто, генерал Алексеев поручил капитану 2-го ранга В.Н. Потемкину сформировать Морскую роту⁴², в которую вошли уже прибывшие и продолжавшие прибывать из Балтийского и Черного морей офицеры и гардемарины, а также и ученики Ростовского мореходного училища.

Тем временем Юнкерский батальон с продолжавшим состоять в нем Морским взводом был из Новочеркасска возвращен в Ростов, где чины батальона были награждены за Нахичеванский бой Георгиевскими крестами.

30 января 1918 года Морская рота вместе с Кавказским сводным дивизионом⁴³ получила приказание срочно отправиться на станцию Батайск для защиты с юга города Ростова против наступавшего многочисленного отряда Сорокина⁴⁴, поддержанного бронепоездом.

В жестоком бою с превосходящими силами противника в рядах Морской роты были убиты лейтенант Адами ди⁴⁵, мичман Петров, мичман Мельников⁴⁶ и лейтенант Энвальд⁴⁷ и тяжело ранены старший лейтенант Ваксмут и мичман Тихомиров⁴⁸. В конце боя был тяжело ранен в глаз и командир Морской роты капитан 2-го ранга Потемкин.

9 февраля к вечеру красными был занят Новочеркасск, а вскоре был сдан и Ростов. С временным занятием этих городов красными можно считать, что и славная Морская рота прекратила свое существование. Капитан 2-го ранга Потемкин остался в Ростове и был спрятан одной гимназисткой, игравшей роль сестры милосердия. Раненые старший лейтенант Ваксмут и мичман Тихомиров были скрыты в Новочеркасске. Отважные братья лейтенанты С.⁴⁹ и Б. Ильвовы⁵⁰ и лейтенант А. Басов⁵¹ присоединились к армии, ушедшей в Первый Кубанский поход, где Басов был убит в первой же атаке большевиков, Сергей Ильвов был ранен навывлет в грудь, а Борис в руку. Старший лейтенант Н.В. Потолов⁵² и Б.М. Елачич⁵³ ушли на Каспийское море – в Баку.

Остатки Морской роты были влиты в Офицерский полк⁵⁴, в рядах которого добрая половина моряков погибла в Кубанском походе⁵⁵.

В течение 1918–1919 гг. при атамане Каледине на Дон прибыли: адмирал А.А. Кононов⁵⁶ и его сын – капитан 1-го ранга (впоследствии контр-адмирал) И.А. Кононов⁵⁷, адмирал С.С. Фабрицкий⁵⁸, адмирал Степанов⁵⁹, капитаны 1-го ранга А.Н. Заев⁶⁰, С.В. Лукомский⁶¹, капитан 2-го ранга Бодиско⁶², Подгорный⁶³, Собецкий⁶⁴, Бернет⁶⁵, Данилов, инженеры-механики Щепотьев⁶⁶ и Герасимов⁶⁷, старшие лейтенанты Соловьев⁶⁸, Селезнев⁶⁹, Елкин⁷⁰, Коженков⁷¹ и Медведев⁷², лейтенанты Шестаков⁷³, Кунаков⁷⁴, Кияшкин⁷⁵, Поздеев, Чехов⁷⁶ и другие офицеры флота, гардемарины и морские кадеты. Все названные здесь лица были зачислены на службу в донские организации.

В 1918 году Военно-Морским управлением был разработан план создания нескольких морских организаций на Дону. По инициативе и стараниями инженера-механика лейтенанта Герасимова первой была организована Донская флотилия, под руководством же и стараниями капитана 1-го ранга Подгорного и контр-адмирала И.А. Коконова речные пароходы вооружались трехдюймовой артиллерией и пулеметами. На большие стальные баржи с дизелями ставились шестидюймовые «канэ», привезенные из Севастополя, где их приходилось снимать с

бездействующих кораблей, машины которых были взорваны англичанами. Также вооружались тяжелыми морскими шестидюймовыми орудиями и бронепоезда, успешно действовавшие в составе Донской и Добровольческой армий.

В упорных боях, как и всегда с превосходящим численно противником, особенно отличился морской бронепоезд «Адмирал Непенин»⁷⁷, который под командой капитана 2-го ранга В.Н. Маркова⁷⁸, бывшего артиллерийского офицера линейного корабля «Слава», в августе 1918 года помог двум тысячам дроздовцев⁷⁹ отбиться у Армавира от 30-тысячной армии Сорокина, но 15 ноября тот же бронепоезд под командой артиллерийского офицера с линейного корабля «Иоанн Златоуст» старшего лейтенанта А.Д. Макарова⁸⁰ попал в западню и погиб у разъезда Базовая. Смертью храбрых пали старший лейтенант Макаров, лейтенант А. Варгасов⁸¹, мичманы Турцевич⁸²,

А. Хрущев⁸³ и гардемарин Иван Завадовский. Остальным удалось после тяжелого боя, в котором отличились старший лейтенант Вирен⁸⁴, гардемарин П. Поплавский⁸⁵ и кадет В. Гусев, пробраться с замками от орудий к своим линиям. Находившийся на соседнем участке бронепоезд «Единая Россия»⁸⁶, на котором были также морские офицеры и гардемарины, после ожесточенного боя сумел прорваться.

Не менее доблестны были действия и других морских бронепоездов: «Дмитрия Донского»⁸⁷ под командой капитана 2-го ранга Бушена⁸⁸ и «Князя Пожарского»⁸⁹ под командой капитана 1-го ранга В.Н. Потемкина, особенно отличившегося в 1919 году при взятии Харькова.

Донская флотилия под командой адмирала Фабрицкого вела непрерывные бои с большевиками, а в 1919 году победоносно дошла до верховьев Дона и своей артиллерией оказала огромную помощь казакам при изгнании большевиков с Дона.

В Таганроге кипела работа по формированию Азовской флотилии под командой капитана 2-го ранга В.И. Собецкого. На пароходы ставились шестидюймовые, 120-мм и 75-мм орудия, привезенные из Севастополя. Этой флотилии была поставлена задача очистить все порты Азовского моря от большевиков, которая и была выполнена. Параллельно с формированием флотилий в Таганроге и в Ростове на заводах строились бронепоезда, танки и бронированные автомобили.

В Таганроге же было создано I Управление портами Азовского моря и II Управление морской тяжелой артиллерии. Во главе первого был поставлен К.Н. Оглоблинский⁹⁰, а во главе второго – капитан 1-го ранга Я.И. Подгорный.

Командиром Таганрогского порта был назначен контр-адмирал Степанов. Помощником капитана 1-го ранга Подгорного был старший лейтенант Шестаков, проявивший большую энергию по формированию бронепоездов и танков.

Весной 1919 года, когда началось всеобщее наступление на север, Военно-Морскому управлению на Дону пришлось перенести свою деятельность за пределы Дона и распространиться по всему югу России.

Функции Донской и Азовской флотилий были закончены. Азовская флотилия была переименована в Днепровскую и в мае 1919 года перешла на Днепр, где были созданы три флотилии: Верхне-Днепровская, под командой капитана 1-го ранга С.В. Лукомского, Средне-Днепровская, под командой капитана 1-го ранга Г.И. Бутакова⁹¹ и Нижне-Днепровская, под командой капитана 1-го ранга Собецкого.

Краткая выдержка из приказа Донского атамана генерала А.П. Богаевского⁹² красноречиво характеризует деятельность моряков с самого начала Белой борьбы: «Правильно организованные морские части на Дону, спаянные железной дисциплиной, во время общего наступления на север разбросались по всему Югу России, где донские кадры были тем ядром, тем

скрепляющим цементом, на котором, как на прочном фундаменте, быстро создавались новые морские организации. Морская тяжелая артиллерия развернулась в отдельный корпус, а Донская и Азовская флотилия – в речные силы Юга России. Я, как Атаман Всевеликого Войска Донского, горжусь славной работой моряков. Атаман

В.В.Д. генерал А.П. *Богаевский*».

На Черном и Азовском морях

В районе Черного моря условия для начала борьбы были несравненно сложнее, чем на Дону, так как на пути открытого выступления русских патриотов появились разные помехи, как неизбежное следствие еще и «иностранный политики» – с одной стороны германских, а с другой «союзных» – англо-французско-американских военных сил. Наступление германских армий на Украину, начавшееся немедленно с заключением между ними и Радой договора 6 февраля 1918 года, имело следствием занятие немцами всей Украины, а затем и Крыма. В связи с этим выход флота из Севастополя 29 апреля 1918 года под командой контр-адмирала Саблина⁹³ нужно принять начальным моментом Белой борьбы на Черном море.

Вошедшие в Севастополь немцы подняли 4 мая 1918 года германские флаги на русских судах, оставшихся в бухте, как то: подводные лодки, быстроходные катера и вся 2-я бригада линейных кораблей под командой вице-адмирала Покровского⁹⁴. В июне месяце 1918 года Германия ультимативно потребовала от большевиков возвращения флота из Новороссийска в Севастополь. Уступая силе, советской власти в центре пришлось давать официальные предписания в этом же роде, но никто не верил добропорядочности германских начальников, отчего и получилось впечатление двойственности распоряжений. Прибывший из Аенинграда (Петрограда) в Новороссийск представитель Морского комиссариата мичман Раскольников определенно настаивал, что сдавать флот немцам нет оснований, что лучше его утопить, но официально выходило, что к 19 июня флоту нужно вернуться в Севастополь.

Как известно, подобная действительность имела место в марте 1918 года в Балтийском флоте. Командующий германской эскадрой, прибывший в Гангэ, предъявил ультимативное требование, чтобы весь русский флот, стоявший в Гельсингфорсе, был передан немцам до 31 марта. Советское правительство дало официальное распоряжение выполнить предъявленное требование, в то же время Центробалт – высшее морское управление Советов – негласно был на стороне решения вывести весь русский флот из Гельсингфорса в Кронштадт. Исполняющий должность командующего Балтийским флотом капитан 1-го ранга Щастный, осуществивший беспримерный в мировой морской истории «Ледовый поход», был расстрелян!

Итак, в силу сложившейся обстановки в Новороссийске получились два течения: командующий Черноморским флотом капитан 1-го ранга А.И. Тихменев⁹⁵, ссылаясь на настроение команд, настаивал на уходе, а командир миноносца «Керчь», старший лейтенант Кукель⁹⁶, проводил мысль о необходимости флот утопить раньше наступления срока немецкого ультиматума, то есть до 19 июня 1918 года. В результате 17-го вечером дредноут «Воля» («Император Александр III») и миноносцы «Пылкий», «Поспешный», «Дерзкий», «Беспокойный», «Жаркий» и «Жуткий» и транспорт «Троян» ушли в Севастополь под командой капитана 1-го ранга Тихменева. 18 июня Раскольниковым и Кукелем были утоплены: дредноут «Свободная Россия» («Императрица Екатерина II») и миноносцы «Фидониси», «Пронзительный», «Гаджибей», «Калиакрия», «Капитан-лейтенант Баранов», «Аейтенант Шестаков», «Сметливый», «Стремительный» и «Керчь».

8 ноября 1918 года германский адмирал Гофман передал черноморские корабли морским представителям: от сепаратной Украины – контр-адмиралу Ключковскому⁹⁷ и от не принявшего эту окраску русского флота – капитану 1-го ранга Тихменеву и Лебединскому⁹⁸.

Между тем в конце августа 1918 года Добровольческая армия заняла Новороссийск и, таким образом, впервые получила выход на Черное море. Капитан 2-го ранга Потемкин был назначен командиром порта и стал собирать своих бывших соратников. Новороссийск сделался центром сбора морских офицеров, главным образом балтийцев, пробиравшихся на юг для борьбы с красными, и боевых офицеров из Донских флотилий. Севастополь по разным причинам открытого участия в борьбе еще не принимал.

24 ноября 1918 года в Черноморском флоте, базировавшемся на Севастополь, были подняты Андреевские флаги – на дредноуте «Воля» («Император Александр III»), на миноносцах, подводных лодках и др., но прибывшие на смену немцам англичане и французы потребовали эти флаги спустить и на «Воле», как и на миноносцах, пользуясь преимуществом своих сил, подняли английские морские флаги и английской командой отправили русские корабли в Измир, в Турцию.

Новороссийские же моряки-добровольцы развивали завидную деятельность. В декабре группа, состоявшая из восьми морских офицеров во главе со старшим лейтенантом Ваксмутом, получила предписание от вице-адмирала Герасимова¹⁰⁰, находившегося при генерале Деникине в качестве морского министра Добровольческой армии, отправиться в Севастополь и попросить получить в распоряжение армии военный корабль.

Несмотря на личное письмо Главнокомандующего генерала Деникина к адмиралу Канину¹⁰⁰, подчиненному в ту пору крымскому правительству, миссия старшего лейтенанта Ваксмута успеха не имела. Упорный в достижении поставленной цели А.П. Вакмут побывал и в штабе Украинского флота, которым командовал тогда контр-адмирал Черниловский-Сокол¹⁰¹, но и там не добился даже приема. Потеряв около двух недель, делегация зарождавшегося Добровольческого военного флота вернулась в Новороссийск с пустыми руками.

Но это не охладило испытанных уже на Дону моряков. Ими был реквизирован в новороссийском порту ледокол «Полезный». Командиром этого первого добровольческого корабля был назначен капитан 2-го ранга С. Медведев, старшим офицером – старший лейтенант А. Ваксмут, артиллерийским офицером – лейтенант С. Ильвов, штурманом – лейтенант Тихомиров. На корме «Полезного» были установлены два 75-мм орудия и торжественно поднят Андреевский флаг.

Январь, февраль и март 1919 года «Полезный» в очень тяжелых условиях беспрерывно находился на фронте у северо-западных берегов Азовского моря от Мариуполя до Геническа, прикрывая с моря операции белых войск, затем – охрана Арабатской стрелки и Ак-Манайской позиции. Уже на эти позиции приходила на пару дней из Севастополя, под командой капитана 2-го ранга В. Погорецкого¹⁰², подводная лодка «Тюлень», также в этих условиях снова поднимавшая Андреевский флаг. Лишь 2 мая подошла к Ак-Манаю, под командой старшего лейтенанта А.А. Остолопова¹⁰³, канонерская лодка «К-15», вооруженная двумя шестидюймовыми «канэ». «К-15» была вооружена и укомплектована морскими офицерами и добровольцами в марте 1919 года в Севастополе. После эвакуации Севастополя перешла в Новороссийск, откуда в конце апреля была послана в Азовское море на смену «Полезного». Таким образом, белый флот в период союзной оккупации практически свелся к трем действующим судам: подводной лодке «Тюлень» – под командой капитана 2-го ранга В.В. Погорецкого, вооруженному пароходу «Полезный» – под командой капитана 2-го ранга С.И. Медведева и канонерке «К-15» – под командой старшего лейтенанта А.А. Остолопова.

Подобное решение, видимо, было подсказано создавшимся политическим и военным положением в Крыму и на юге России вообще: гетманское правительство в Киеве исчезло, появился Петлюра и началось полное безвластие. Когда немцы ушли из Киева, появились союзники и организовывались русские добровольческие отряды. Положение все осложнялось

– большевики начали наступать с севера. Перекоп был занят слабыми по численности добровольческими соединениями.

В Севастополе крайние элементы начали проявлять себя, пошли брожения среди портовых рабочих, угрожавших забастовкой и прекращением работы на оборону Крыма. Все признаки подтверждали, что медлить было нельзя. Назначенный на крейсер «Кагул» старшим инженером-механиком капитан 1-го ранга В.Г. Максименко¹⁰⁴ не покладая рук проводил всю срочную техническую работу. В апреле 1919 года Севастополь готовился к эвакуации. Крейсер «Кагул» в полной готовности стал на Большом рейде. На него перешел командующий флотом контр-адмирал Саблин со своим штабом и были погружены семейства офицеров крейсера и охотников. Все суда, могущие двигаться, начали покидать Севастополь, взяв курс на Новороссийск.

На переходе Севастополь – Новороссийск на «Кагуле» было 42 морских офицера, 19 инженеров-механиков, два судовых врача и 21 сухопутный офицер, или всего 84 офицера, плюс 125 человек команды охотников. Весь экипаж корабля – 209 человек. В Новороссийске командующий флотом со штабом и все пассажиры сошли на берег. Тогда же на крейсер был назначен новый командир капитан 1-го ранга П.П. Остелецкий¹⁰⁵ и несколько изменен командный состав.

13 апреля 1919 года крейсер «Кагул» получил предписание от командующего флотом выйти на Ак-Манайскую позицию, около Феодосии. «Кагулу» пришлось действовать вместе с английским линейным кораблем «Император Индии» и греческими, французскими и итальянскими судами. Офицером для связи с английским командованием был назначен инженер-механик капитан 2-го ранга В.А. Недзведский¹⁰⁶. Так началась боевая деятельность славного корабля... Отметим вкратце наиболее крупные операции.

В первых числах августа крейсер «Кагул» под командой капитана 1-го ранга П.П. Остелецкого руководил десантными операциями в районе Одессы. Русский отряд составляли крейсер «Кагул», эскадренный миноносец «Живой», транспорт «Маргарита», тральщики «Роза» и «Адольф», буксир «Доброволец», катера № 52 и 58, три баржи и один быстроходный катер. Десант составлял Драгунский полк в составе 74 офицеров, 841 солдата, 253 лошадей и 38 повозок. Для связи с десантом между кораблями и берегом был назначен эскадренный миноносец «Живой» – командир капитан 2-го ранга Кисловский¹⁰⁷. После суточного боя десантная операция окончилась успешно. 12 августа Одесса была в руках белых, несмотря на то что силы противника превосходили более чем в десять раз!

Во время стоянки в Одессе командир крейсера «Кагул» капитан 1-го ранга Остелецкий был произведен в контр-адмиралы, а крейсер был переименован в крейсер «Генерал Корнилов». Контр-адмирал Остелецкий был назначен младшим флагманом и поднял свой флаг на крейсере «Генерал Корнилов». Командиром крейсера был назначен капитан 1-го ранга Потапьев¹⁰⁸, старшим офицером – капитан 2-го ранга Афанасьев¹⁰⁹ и старшим инженером-механиком утверждён старший лейтенант М.М. Любимов¹¹⁰.

Почти одновременно с операциями под Одессой велись крупные операции под Херсоном и Николаевом Кинбурнским отрядом, состоявшим из канонерской лодки «Терец», брейд-вымпел капитана 1-го ранга В. Бубнова¹¹¹, командир капитан 2-го ранга Я. Шрамченко¹¹²; канонерской лодки «Грозный», командир капитан 2-го ранга И. Рыков¹¹³, миноносца «Жаркий», командир старший лейтенант А. Манштейн¹¹⁴, вооруженного парохода «Граф Игнатьев», «К-10» и БК «405». Вместо описания всех боевых операций и последующих результатов прилагаются копии некоторых приказов, последовательно рисующих тогдашнюю военную обстановку северо-западного побережья Черного моря.

ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА КИНБУРНСКОГО ОТРЯДА

№ 100

Рейд Николаевский, августа 8 дня 1919 года

Кинбурнскому отряду. «Берец», «Трозный», «К-10», «Жаркий», «Граф Игнатъев» и БК «405».

Первая часть Кинбурнского похода выполнена. Взяты Херсон, Николаев. Над нами горят золотые слова «Победа» и «Слава». Взят Николаев и закреплен с чудным боем, деятельнейшими усилиями флота, пришедшего отобрать его, нашу колыбель Черноморского флота, у врагов нашей Родины. За победу славных кораблей спасибо чистосердечное мое всем бывшим под моей командой в эти дни боев, дни испытаний.

Я, офицер нашей Великой Добровольческой Армии благодарю Вас Г.г. Командиры, Г.г. Офицеры и команды, покрывшие себя славой кораблей, спасибо Вам, надеюсь с такими, как Вы, закончить наше Общее дело, нашу заботу спасти Родину, освободить ее и вернуть ее к нормальной жизни!

Приказ прочесть на всех судах отряда.

Подписал: капитан 1-го ранга *Бубнов*.

С подлинным верно: старший флаг-офицер, мичман (подпись неразборчива)

ПРИКАЗ ГЛАВНОГО КОМАНДИРА ФЛОТА И ПОРТОВ ЧЕРНОГО И АЗОВСКОГО МОРЕЙ

№ 1374

г. Севастополь, августа 8 дня 1919 года

Сегодня мною получена телеграмма от начальника 4-й дивизии генерал-майора Слащева¹¹⁵, где он отмечает выдающуюся предупредительность и доблесть капитана первого ранга Бубнова и судов его отряда: канонерских лодок «Терец» и «Грозный», «К-10», БК «405», миноносца «Жаркий» и парохода «Граф Игнатъев», проявленную ими в боях под Николаевом и Варваровкой. Наш флот, для того чтобы этот отряд прошел в Николаев, несколько раз форсировал проход у Очакова под огнем очаковских батарей, в успешной борьбе с которыми показал свою хорошую стрельбу, отвагу и настойчивость в достижении намеченной цели. Горжусь дорогим мне Черноморским флотом и счастлив объявить по вверенному мне флоту и портам, что тяжелая работа по возрождению флота, произведенная преданными офицерами и матросами, не пропала даром и наш флот дает мощную поддержку нашей славной Армии.

Подлинный подписал: вице-адмирал *М. Саблин*

ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА КИНБУРНСКОГО ОТРЯДА

№ 108

Рейд Николаевский, августа 11 дня 1919 года

Предлагаю кораблям вверенного мне отряда выписать на борту кораблей трехцветный национальный почетный шеврон Добровольческой Армии. Шеврон выписать углом вниз, – размеры же его по усмотрению Командиров. Место для выписки шеврона под носовым мостиком либо на крыльях мостика.

Подписал: капитан 1-го ранга *В. Бубнов*

С подлинным верно: старший флаг-офицер, мичман (подпись неразборчива)

ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА КИНБУРНСКОГО ОТРЯДА

№ 116

Рейд Николаевский, августа 13 дня 1919 года

При сем объявляю копию телеграммы Начальника 4-й пехотной дивизии генерал-майора Слащева за № 1431, посланной на имя Главного Командира Флота и Портов Черного и Азовского морей Вице-адмирала Саблина: срочно.

«Во время Кинбурнской операции вверенная мне 4-я дивизия работает совместно с судами Кинбурнского отряда под командой Каперанга Бубнова. За все время не было ни одного случая неудовлетворения нужд сухопутных войск, а наоборот, мои пожелания часто предупреждались по личной инициативе моряков. Как солдат, считаю своим долгом доложить Вам от имени своих частей «покорнейше благодарю Ваше Превосходительство» за присылку таких соратников и отметить перед Вами блестящую деятельность, выдающиеся качества каперанга Бубнова, его командиров судов и экипажей.

12 августа 1919, Николаев. № 1431.

Подписал: Генерал-майор *Слащев*».

Приказ прочесть при собрании Гг. офицеров и команды вверенного мне отряда.

Подписал: Капитан 1-го ранга *Бубнов*.

С подлинным верно: флаг-офицер, мичман *Бураков*¹¹⁶

В течение летних месяцев 1919 года все белые организации дружно начали свои наступления на Москву и Петроград. Вдоль Финского залива двигалась армия генерала Юденича... С юга Добровольческая армия быстро продвигалась на север. Из Сибири армии адмирала Колчака наступали в направлении центра Европейской России. Деятельность белого флота распространилась по всем направлениям. Кроме уже кратко описанных на Черном море, происходили ответственные операции в Азовском море, на Каспии, на сибирских реках и в районах западного и северного морского побережья Земли Русской. 17 октября 1919 года по инициативе Н.Н. Машукова¹¹⁷ был открыт и начал функционировать Севастопольский Морской корпус.

Но обстановка на белых фронтах изменилась. В декабре 1919 года большевики огромными силами вплотную подошли к Крыму и, по данным нашей разведки, готовились к наступлению по всему фронту. Часть судов Кинбурнского отряда, выполнявшего под Херсоном и Николаевом поставленную ему задачу, находилась в генеральном ремонте, готовясь к новому походу: канонерские лодки «Терец» – командир капитан 2-го ранга Я.В. Шрамченко, «Грозный» – командир капитан 2-го ранга И.С. Рыков и «Страж» – командир капитан 2-го ранга Б.Р. Новиков¹¹⁸, позже речная канонерская лодка «Георгий», «Ледокол № 3» и при канонерской лодке «Терец» – буксир «Ногайск».

В ночь на 24 декабря командир канонерской лодки «Терец» капитан 2-го ранга Я.В. Шрамченко получил приказание командующего Черноморским флотом немедленно привести свой корабль в боевую готовность для срочного выхода в Азовское море. Подобное приказание получили и остальные корабли отряда. Начальником отряда судов Азовского моря был назначен капитан 2-го ранга Н.Н. Машуков. 26 декабря «Терец» под брейд-вымпелом начальника отряда вышел в море. Для краткого ознакомления читателя с подвигами белых моряков, защищавших от красных подступы к Крыму, помещаем копии следующих документов:

Радиограмма

Керчь из Севастополя № 458 – 11 февраля 1920 г. 14 часов 15 минут.

Кавторангу Машукову

Флагманы и командиры, старшины собрания и Штаб Командующего Флотом, собравшись проводить своего адмирала, по предложению Его Превосходительства, обратившись мысленно взорами к затертым льдами Азовского моря кораблям под водительством достойнейшего начальника, просят принять глубокоуважаемого Николая Николаевича, всех офицеров

и молодецкие команды чувство бесконечного восхищения и преклонения перед мужеством, стойкостью и великой духовной мощью.

Да хранит и поможет Вам Господь Бог!

11-2-1920 г. № 48051

Начштафлот Каперанг *Заев*.

С подлинным верно: флаг-офицер подпоручик *Постников*

Радиограмма

Севастополь. Начштафлоту

Прошу доложить в ближайшем заседании флагманов и командиров.

Руководимые глубокою любовью к Родине, мужественные офицеры и команды судов вверенного мне отряда, под командой доблестных командиров канонерских лодок – «Терец», «Грозный» и ледокола «Гайдамак», преодолевая голод и холод, гордятся выпавшей на их долю честью бороться на форпостах за честь и величие нашей Родины, дорогой сердцу нашему России под сенью Андреевского флага. Три полка пехоты и один полк неприятельской кавалерии не в силах сломить дух нашего малочисленного отряда.

Присоединяемся к общей скорби, расставаясь с первым адмиралом Русского Флота, вступившим в ряды Добровольческой Армии (вице-адмирал Ненюков¹¹⁹).

От имени отряда приношу глубокую благодарность за высказанные благопожелания и высокое внимание, оказанное моему отряду.

11 февраля 18 часов № 429

Кавторанг *Машуков*

ПРИКАЗ ПО 3-МУ АРМЕЙСКОМУ КОРПУСУ

№ 53

ст. /ржанкой 28 февраля 1920 г.

В самые тяжелые периоды нашей белой деятельности канонерская лодка «Терец» оказывала и продолжает оказывать самую широкую поддержку по защите наших позиций на Арабатской Стрелке.

Затертый льдами, не имеющий угля «Терец» выбросился на мель, решив ради обороны наших позиций сделаться живой мишенью для артиллерии красных. Пробоины «Терца» свидетельствуют его боевую деятельность.

Лишенный способности маневрировать, тяжело раненный, «Терец» продолжает бороться с бронепоездами противника и держать в страхе пехоту красных. Высадив на берег всю команду, за исключением прислуги орудий, «Терец» оказал поддержку гарнизону Арабатской Стрелки, как людьми, так и своим геройским духом.

От лица службы благодарю командира, Г. г. офицеров и команду славного боевого судна «Терец» за отличную самоотверженную службу, стар. лейт. Люби за деятельную организацию связи судов и боевого участка со Штабом Корпуса.

Предлагаю капитану 2 р. Шрамченко представить к награждению крестами из команды «Терца» наиболее отличившихся.

Комкор 3, ген. *Слащев*

18 апреля 1920 года «Терец» был торжественно введен на буксире в Южную бухту Севастополя. 19 апреля «Терец» посетил командующий Черноморским флотом вице-адмирал Герасимов и чины его штаба. 20 апреля около двух часов дня на «Терец» прибыл Главнокомандующий Русской Армией генерал барон П.Н. Врангель, в сопровождении вице-адмирала Саблина. Главнокомандующий благодарил командира, офицеров и команду за отличную, честную и самоотверженную службу на благо Родины. В краткой, но выразительной и сильной речи

Главкомандующий подчеркнул ту ответственную роль, которую «Терек» сыграл в тяжелый период зимней обороны Крыма, указав, что Арабатская стрелка была удержана почти исключительно благодаря ему, а этим Крым был огражден от тяжелых, а быть может непоправимых, последствий прорыва важнейшего фронта на этом участке. Генерал Врангель поздравил всех офицеров, начиная с командира корабля, со следующим чином, а наиболее отличившимся из команды, по указанию командира, лично надел Георгиевские кресты. На смену «Терца» на боевые позиции в Азовском море штабом командующего флотом была послана канонерская лодка «Страж» под командой капитана 2-го ранга В.П. Дона.

В период организации, или, точнее, реорганизации, белого Черноморского флота был приведен в полную боевую готовность также и линейный корабль «Генерал Алексеев» (ранее «Воля», а еще раньше «Император Александр III»).

В самые тяжелые периоды Гражданской войны, когда постоянно остро чувствовался недостаток необходимого технического материала и еще больше нужных специалистов, – стойчески бессменно, с исключительной выдержкой и успехом, – технической частью белого флота на юге России руководил флагманский инженер-механик генерал-майор В.Ф. Берг¹²⁰.

Для обеспечения бесперебойности действий всего Добровольческого флота юга России командующим Флотом адмиралом Каниным был назначен на должность начальника службы связи Черного и Азовского морей контр-адмирал С.В. Евдокимов¹²¹, который выполнял эти обязанности до назначения его помощником начальника Морского управления.

Уместно было бы теперь, хотя и бегло, отметить исключительно важную роль, которую вообще играл Черноморско-Азовский белый флот во всей Крымской эпопее в 1919–1920 годах.

Кроме уже кратко изложенных операций под Николаевом, Херсоном, Очаковым, Одессой, Геническим и т. д. и защиты всего Крымского побережья, флот обеспечивал снабжение портов Черного и Азовского морей из Константинополя. Помимо того, флот выделил для поддержки левого фланга нашей армии, упиравшегося в Каркинитский залив, специальный отряд мелкосидящих судов под командой капитана 1-го ранга Собецкого, который по мере надобности своим огнем помогал действиям сухопутных войск.

У Тендровской косы было установлено почти постоянное наблюдение за Одессой и Очаковым. Там же подолгу стоял крейсер «Генерал Корнилов». На Севастопольском рейде в полной исправности стоял довольно сильный боевой белый флот во главе с дредноутом «Генерал Алексеев», что совершенно парализовало появление в черноморских водах красного флота.

Значение же нашего флота в Азовском море было гораздо больше, чем оборонительное, так как все надежды на будущее возлагались на выход из Крыма, как в Мелитопольском, так и в Кубанском направлении. Выход из Крыма без помощи десантных операций вообще был невозможен. За все время Белой борьбы Черноморско-Азовский флот успешно выполнял все оперативные задания, поставленные ему Главкомандующим, вплоть до полной эвакуации Крыма. Об этом свидетельствует один из приказов генерала Врангеля.

ПРИКАЗ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО РУССКОЙ АРМИЕЙ

№ 3578

г. Севастополь, августа 26 дня 1920 года

Начиная с мая месяца нами был произведен целый ряд десантных операций. Операции эта протекали подчас в чрезвычайно трудных условиях, выгрузку и погрузку войск приходилось производить в дурную погоду, погружая людей и лошадей на баркасы и шлюпки под огнем береговых батарей противника.

Флот несет одновременно службу по охране Азовского и Черноморского побережья, а десантные морские отряды доблестно сражаются в рядах наших сухопутных сил.

Считаю своим долгом отметить блестящую работу флота и принести глубокую благодарность Командующему Флотом адмиралу Саблину и всем чинам Флота за их беззаветную работу на славу Родины.

Ура орлам русским морякам!

Подлинный подписал: *ген. Брангель*.

Верно: флаг-капитан 2 ранга *Бирилев*¹¹¹.

Верно: Начальник Общего Отделения Оперативной части, старший лейтенант *Соловьев*.

Боевой Черноморско-Азовский флот состоял из трех тактических единиц, названных отрядами (а не дивизиями или бригадами ввиду разнообразности входивших в эти соединения судов). Во всяком случае, всех судов насчитывалось свыше 120, начиная от дредноута и кончая легкими катерами и транспортами. Главной базой Черноморско-Азовского флота был Севастополь, база же 2-го отряда находилась в Керчи. Штаб отряда состоял в целом из 20 человек: начальник отряда контр-адмирал (тогда капитан 1-го ранга) Н.Н. Машуков, флагманский инженер-механик – генерал-майор А.К. Иванов¹²³, штаб-офицер связи с армией и союзным командованием – инженер-механик капитан 2-го ранга В.А. Недзведский, начальник оперативной части – капитан 2-го ранга Б.В. Карпов¹²⁴.

Моряки на Северо-Западном фронте

После прибытия на Балтику английской эскадры обстановка резко изменилась. Тральщик «Китобой» первым, спустив красный флаг, поднял Андреевский и ушел к англичанам. К удивлению, он был ими задержан, что заставило большую часть команды перебежать к англичанам. Англичане буквально ограбили сдавшийся им корабль, причем не были пощажены даже частные вещи офицеров и команды, и через несколько дней передали тральщик как судно, не имеющее боевого значения, в распоряжение Морского управления Северо-Западной армии¹²⁵. Сдавшиеся еще 27 декабря 1918 года новые эскадренные миноносцы «Автроил» и «Спартак» (бывший эскадренный миноносец «Капитан Миклухо-Маклай») были англичанами переданы эстонцам.

Кроме нескольких специалистов, личный состав «Китобоя» был списан с корабля, включая и офицеров: лейтенант Моисеев¹²⁶ и большая часть команды были переведены в полк Андреевского флага, а мичман Сперанский¹²⁷ с частью людей в разгрузочный отдел. Лейтенант Моисеев вскоре погиб на фронте: часть «Андреевского» полка перебежала к красным и выдала им лейтенантов Моисеева и Бока¹²⁸, которые были замучены красными. Труп Моисеева был вскоре найден белыми, причем оказалось, что лейтенантские погоны были прибиты к плечам шестью большими гвоздями, по одному над каждой звездочкой погон.

На «Китобой» был набран новый личный состав из офицеров и добровольцев, а командиром его был назначен лейтенант Оскар Ферсман¹²⁹. Этому доблестному офицеру суждено было еще раз поддержать честь Андреевского флага, а его маленькому судну быть последним носителем этого флага на водах Балтийского моря.

Опасаясь захвата «Китобоя» эстонцами после ликвидации Северо-Западной армии (что действительно вскоре и случилось с четырьмя моторными катерами), контр-адмирал Пилкин снабдил его командира некоторым количеством денег и запасами топлива и провизии, достаточными для похода в Копенгаген, и приказал ему, если окажется возможным, пройти оттуда на Мурманск к генералу Миллеру¹³⁰. Личный состав был выбран из добровольцев, в том числе 15 морских офицеров. В темную ночь, не замеченный эстонцами, «Китобой» вышел из Ревельской гавани, дошел до Копенгагена, где и простоял несколько месяцев.

На рейде Копенгагена в это время стояла 2-я бригада крейсеров английского флота под флагом контр-адмирала Кована, в составе трех легких крейсеров и пяти эскадренных миноносцев. На другой день после прихода «Китобоя» флаг-офицер английского адмирала доставил командиру тральщика лейтенанту Ферсману письменное требование спустить Андреевский флаг, так как этот флаг больше не признается английским правительством. Аейтенант Ферсман ответил, что Андреевский флаг спущен не будет. Никаких насильственных действий со стороны англичан не последовало, а на следующее утро адмирал Кован прибыл на «Китобой», сделал смотр маленькому кораблю и затем, подойдя к лейтенанту Ферсману, сказал: «Я надеюсь, что каждый английский морской офицер в подобном положении поступил бы столь же доблестно, как это сделали вы».

Заборами вдовствующей Императрицы Марии Федоровны «Китобой» был снабжен углем и провизией для дальнейшего следования. «Китобой» благополучно добрался до Севастополя, перед самой его эвакуацией, вместе с Русской эскадрой ушел в Бизерту, где и разделил участь обреченных на бездействие кораблей.

По всем данным, в задачи появившегося в конце 1918 года у устья Финского залива английского флота не входило оказание существенной помощи зарождавшимся там силам сопротивления против коммунизма. Помощь англичан оказалась достаточной, чтобы только отстоять отделение Эстонии от Советов! При таком отношении союзников России к Белому делу нельзя было думать о возрождении морских сил в составе Северо-Западной армии. Только в Нарове организовалась небольшая речная флотилия под командованием капитана 1-го ранга Д.Д. Тыртова¹³¹. Зато морские офицеры и гардемарины влились в сухопутные части. Особенно много моряков было в Печорском полку, где батальоном командовал доблестный капитан 1-го ранга П.А. Шишко, а ротами капитаны 2-го ранга М. Бабицын¹³², В. Беклемишев¹³³, М. Ромашев¹³⁴ и Г. Вейгелин¹³⁵. Общая численность моряков, принявших участие в Северо-Западной армии, достигла 250 человек, около половины которых погибло в неравных боях с противником.

Армия генерала Юденича, подходившая уже к Петрограду (Стрельна, Айгово, Пулково), должна была отступить к границам Эстонии, а после заключения последней мира с Советами прекратить в начале 1920 года борьбу вообще.

Северный фронт. Онежская озерная флотилия

Политическое и военное положение на севере России в годы смуты 1917–1920 годов было по многим причинам настолько сложно и запутанно, что разобраться в нем сможет будущий объективный историк, лишь предварительно изучив международные и еще дореволюционные взаимоотношения России, Германии, Англии, Франции и др.

Мысль о создании белого фронта на Севере появилась впервые у группы русских патриотов в Петрограде вскоре же после Октябрьского переворота. Почти одновременно с этой группой, работавшей над осуществлением своего проекта, народным социалистом Н.В. Чайковским была создана тайная организация под именем «Союз возрождения России».

От англичан был послан в Архангельск под фамилией английского офицера Томсона капитан 2-го ранга Г.Е. Чаплин¹³⁶. С ним руководители «Союза возрождения» уже в Архангельске вступили в связь и со своей стороны предложили ему принять на себя роль военного руководителя в предстоящем выступлении. Вместе с капитаном 2-го ранга Чаплиным и так называемым «Национальным Центром» несколько позже в Архангельске появился, с целью содействовать подготовлявшемуся восстанию, специальный отряд, действовавший по поручению французского представительства в Петрограде.

Помимо этих организационных группировок, еще задолго до восстания, в Архангельск стали стекаться через Мурманск, леса Карелии и другими путями, в порядке личной инициативы, офицеры всех родов оружия и прежде всего офицеры Балтийского флота и гардемарины, разогнанные Троцким: Морского корпуса, Отдельных гардемаринских классов и Морского инженерного училища, – чтобы принять активное участие в свержении советской власти в Северной области.

1—2 августа 1918 года с ликвидацией в Архангельске советской власти во главе освобожденной Северной области стояло «Верховное управление» под председательством Н.В. Чайковского. В числе документов архива Северной области находится следующее постановление.

Верховное Управление Северной области

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 1

Во имя спасения Родины и завоеваний революции Верховное Управление Северной области Командующим всеми Морскими и Сухопутными вооруженными силами Верховного Управления настоящим назначает капитана 2-го ранга Георгия Ермолаевича Чаплина, с возложением на него обязанностей:

1) Командование всеми вооруженными силами Верховного Управления со всеми правами, связанными с этой должностью на основании законов и обычаев войны.

2) Назначения и увольнения всех должностных лиц Армии и Флота, за исключением начальников Военного Штаба.

г. Архангельск, 2-го августа 1918 года.

Председатель Верховного Управления Северной области

Н.В. Чайковский

Секретарь П. Зубов

Это социалистическое управление Северной области просуществовало лишь месяц. 6 сентября 1918 года командующий русскими вооруженными силами на побережье Белого моря капитан 2-го ранга Чаплин это правительство арестовал и отправил на Соловецкие острова. С начала октября павшее правительство было заменено несоциалистическим Временным правительством Северной области, но под давлением английского командования во главе его по-прежнему остался тот же народный социалист Чайковский. Командование же русскими вооруженными силами от капитана 2-го ранга Чаплина перешло к Генштаба полковнику Дурову¹³⁷.

Из полуофициальных разговоров и дружеских бесед с высшими представителями английского командования (из архивов Северной области) следовало, что русское правительство Северной области для союзников являлось лишь правительством *de facto*. Вместе с тем союзники прилагали все свои усилия, чтоб ускорить объединение всей России, так как последняя «нужна Европе, и Европа не была бы Европой, если бы в ней не раздавался голос правительства, представляющего всю Россию». И пожалуй, нетрудно расшифровать, что подразумевала Англия под «голосом правительства России», если главнокомандующий английскими вооруженными силами в нашей Северной области генерал Пуль заявил, что с большевиками они не воюют, а воюют только с немцами.

Мичман А. Гефтер¹³⁸ в своих воспоминаниях о целях союзников пишет: «С каждым днем моего пребывания на Мурмане приходится все больше убеждаться в правильности возникшего предположения о цели прибытия англичан. Они прибыли не для помощи русским, а для овладения богатым районом... Для них безразлично, кто такие русские, с которыми они имеют дело, большевики или нет, – и те и другие должны быть под эгидой английской власти...»

Между тем молодые морские офицеры и гардемарины, пробравшиеся с берегов Балтийского моря в Северную область еще в конце 1918 года, служили в дивизионе истребителей – в

Белом море сражались с большевиками и на сухопутном фронте по берегам Северной Двины, и в Пинежском районе, и на флотилии Ледовитого океана.

С присущей молодости пылкостью они возмущались как двойственной политикой союзников, так и излишним бюрократизмом отечественных русских военных учреждений. Это последнее обстоятельство в известной мере объясняется тем, что в начале Белого движения во главе с контр-адмиралом Викорстом¹³⁹ в ответственных учреждениях сидели люди, служившие большевикам до самого переворота. Они сумели задержаться с благословения англичан на тех же должностях и при белых. Так же успешно они продолжали творить дело развала флотилии.

И неудивительно поэтому, что группа патриотически настроенной «боевой» молодежи – лейтенанты Афанасьев¹⁴⁰, Аисаневич¹⁴¹ и Соколов¹⁴² и мичманы Державин¹⁴³, Вуич¹⁴⁴, Шанардин¹⁴⁵ и др., случайно узнав о (скрытой для них) телеграмме, полученной из Омска от морского министра Верховного правителя России адмирала Колчака,

отправились в штаб начальника распорядительной части, требуя объяснить, в чем дело.

После долгих мытарств и пререканий они выяснили, что телеграммой предписывалось прислать в Сибирь флотских офицеров для формирования речных флотилий.

Молодые люди записались и до поры до времени, в ожидании отправки, успокоились. Пока же все перевелись в дивизион истребителей и энергично принялись за дело.

Но вот неожиданно прибыл недавно назначенный командир Мурманского военного порта капитан 2-го ранга Д.О. Дараган¹⁴⁶ и известил, что по решению Главнокомандующего русскими войсками Северной области генерала Е.К. Миллера не только отдельные офицеры, но и весь дивизион, по готовности, будет отправлен на Онежское озеро под командование начальника Онежской озерной флотилии капитана 1-го ранга А.Д. Кира-Динжана¹⁴⁷, бывшего командира дивизиона сторожевых катеров Балтийского флота, обладавшего исключительным опытом для организации и руководства этими специальными морскими единицами.

Оставалось выяснить, возможен ли провод истребителей из Кеми по железной дороге в Медвежью Гору – опорный пункт флотилии на Онежском озере. Капитан 2-го ранга Дараган осмотрел, вместе с приехавшим с ним лейтенантом Б.К. Шульгиным¹⁴⁸, истребители, определил возможность провозки их на платформах, и отбытие из Архангельска было назначено на 1 июня 1919 года. После трехнедельной, крайне напряженной и ответственной работы по приведению истребителей в полную готовность флотилия «спустилась» на озеро.

29 июня 1919 года боевое ядро Онежской флотилии под брейд-вымпелом своего начальника покинуло Медвежью Гору и ушло в село Шуньгу за Ажейским маяком, в предназначенную для флотилии базу. Каждый из катеров-истребителей был вооружен тремя пулеметами и одним 47- или 57-мм орудием. Уже 3 августа, вблизи Мег-Острова, три наших истребителя со «Светланой» – их маткой, встретили три красных корабля, каждый из которых был вооружен сильнее всех трех белых катеров, вместе взятых.

Завязался упорный бой, в результате которого красный бронированный катер, вооруженный двумя горными трехдюймовыми орудиями и двумя пулеметами в башенной установке, уткнулся в берег, так же как и двухвинтовой пароход «Сильный», вооруженный двумя 75-мм морскими орудиями, одним зенитным 37-мм орудием и многими пулеметами. «Сильный» был снят с мели, исправлен и включен в состав белой флотилии. Стойки с неприятельскими военными судами участились, и перевес все время был на стороне белых, численность которых не уменьшалась, а чаще увеличивалась разными «призами».

17 августа была занята белым десантом Кузаранда, затем Пудожская Гора и с боем занимались дальнейшие пункты побережья. Серьезная угроза нависла и над красным Петрозаводском. Большевицкое командование, пользуясь системой водных каналов, соединявших Бал-

тийское море с Ладожским и Онежским озерами, направило последние крупные подкрепления, вплоть до миноносцев.

Белая борьба на севере закончилась трагически... Брошенные, как и надо было ожидать, союзниками на произвол судьбы, белые воины были побеждены не силой на фронте, а внутренним переворотом, произведенным распропагандированным населением, еще не успевшим ознакомиться с черными сторонами большевистского властвования. Таким образом получилось, что Архангельск и Мурманск попали в руки красных раньше, чем стоявшие на фронте части, которым пришлось пройти трудный путь, отступая к границам Финляндии...

Только одной группе морских офицеров и гардемарин удалось уйти из Архангельска на ледоколе «Минин» и снять в море другую группу с ледокольного парохода «Русанов». Еще одна большая группа должна была в последнюю минуту покинуть Мурманск на эскадренном миноносце «Капитан Юрасовский», но во время вспыхнувшего на миноносце восстания смертью храбрых погибли его командир лейтенант Н.И. Милевский¹⁴⁹, лейтенант В.Д. Державин (Онежская флотилия) и др., а в кают-компании был найден застрелившийся лейтенант Аннин¹⁵⁰, тоже доблестный участник Онежской эпопеи.

Личный состав находившихся на Двинском фронте морских бронепоездов, под командованием капитана 1-го ранга Ю.Ю. Рыбалтовского¹⁵¹, после переворота в Архангельске должен был бросить поезда и отступить пешком к Мурманской железной дороге, но, не доходя до станции Сороки, был окружен в деревне Сухое и принужден был сдаться. Все находившиеся здесь морские офицеры, состоявшие в командном составе бронепоезда «Адмирал Колчак» и других, были расстреляны в Холмогорах. Свою смерть здесь нашли: капитан 1-го ранга Ю. Рыбалтовский, старший лейтенант А. Аобода¹⁵², командир бронепоезда «Адмирал Колчак» капитан 1-го ранга Н.А. Олюнин¹⁵³, старший офицер «Чесмы» и бронепоезда лейтенант Ю.Н. Витте¹⁵⁴, командир миноносца «Бесстрашный» и затем плутонговый командир бронепоезда, и мичманы – граф Г. Гейден¹⁵⁵, барон Рокосовский¹⁵⁶, старший гардемарин А. Зайцев и др.

Только нескольким смельчакам, в том числе лейтенанту Яновицкому, инженеру-механику лейтенанту Миловскому¹⁵⁷ и старшему гардемарину Еловскому удалось отбиться и на лыжах пройти тяжелый путь до Финляндии.

Той же трагической судьбы не избежали находившиеся в Медвежьей Горе. Вместе с группами летчика лейтенанта А.Д. Мельницкого¹⁵⁸ и командира десантной роты лейтенанта Вуича были захвачены и расстреляны: лейтенант Е. Садовинский¹⁵⁹, лейтенант Добромыслов¹⁶⁰, мичман Г. Католинский¹⁶¹, старший гардемарин А. Хмылино-Вдовицкий, П. Светухин и др. Старший кадет Былим-Колосовский¹⁶² сумел бежать из Петрозаводска, но был во второй раз схвачен в нескольких километрах от финской границы и убит на обратном пути при конвоировании. Некоторые из захваченных сумели сбежать и пробраться к белым на юг России, но некоторым, в том числе гардемарину Ф. Каналоши-Аефлеру¹⁶³, избежавшим смерти весной 1920 года на севере России, не удалось от нее уйти осенью того же года при переходе через фронт в белый Крым. Нам также известно, как лейтенанту Е. Максиму с неимоверными трудностями удалось уйти на лыжах из Медвежьей Горы в Финляндию, но и этот выдающийся офицер позднее погиб при повторном нелегальном переходе границы с разведывательной целью.

Только одной большой группе, составлявшей команду бронепоезда «Адмирал Непенин» (командир капитан 2-го ранга Н.М. Аеман¹⁶⁴), сражающейся на Мурманском фронте, вместе с примкнувшими к ним другими офицерами и гардемаринами, удалось пробиться в Финляндию, где она была интернирована. Принимавшие участие в Белой борьбе и ушедшие в Финляндию гардемарины позднее прибыли на юг России. Участники же Белой борьбы в водах

Ледовитого океана после падения Северного фронта, сняв замки с пушек кораблей, лишенных возможности двигаться, с боем прорвались в Норвегию (капитан 1-го ранга Поливанов¹⁶⁵).

«Были ли напрасны жертвы, принесенные на алтарь любви к Родине?» – с болью задает вопрос генерал Е.К. Миллер на одном из своих выступлений в Париже. «Не судят лишь победителя, а горе побежденным». История произнесет свой приговор, но печальна история народов, которые не знают героических подвигов во имя любви к Родине, ничтожна та страна, которая не сумела воспитать самоотверженных сынов!

Нам же, участникам этой борьбы, свидетелям той жертвенности, того огня, которым горели те, кто положил «душу свою за други своя», нам до конца дней наших судьба определила две задачи: стараться выполнить то, что не было достигнуто сорок лет тому назад, и помнить и молиться за тех и следовать их примеру, кто смертью своей запечатлел свою любовь к Родине, кто, не спрашивая, шел и складывал свою голову в чуждых ему далеких северных лесах и тундрах за Родину.

На Каспийском море в 1918–1919 годах

Как неизбежное следствие большевистского переворота уже в начале 1918 года начала неудержимо разваливаться и наша Кавказская армия. По пятам разбегавшихся революционных войск на Кавказ двигались турки. Англичане, боясь, что турки вместе с немцами доберутся до Баку, то есть до драгоценной нефти, готовили на севере Персии «кулак» для противодействия нежелательным посягательствам.

Весь район Каспийского моря в те смутные годы буквально кипел: в Астрахани уже хозяйничали большевики, в Баку шла резня между татарами и армянами, власть же была в каких-то архиреволюционных руках; вдоль дороги Энзели – Решт разбойничала хорошо организованная шайка Кучик-хана; Казвин бурлил накапливающимися вооруженными силами генерала Данстервиля, так называемого Данстерфорса, и присоединившимся к нему отрядом генерала Бичерахова¹⁶⁶. Несмотря на развал и крушение фронта, генералу Бичерахову до известной степени удалось сохранить во вверенном ему отряде порядок и дисциплину. А главное, что они хотели и были готовы драться с большевиками.

В июне 1918 года бичераховцы выступили из Казвина в поход на Решт очищать дорогу для Данстерфорса от банд Кучик-хана. Заняв Баку, генерал Бичерахов направил все свои усилия на установление порядка и поддержание престижа русского имени. Но тут ему пришлось столкнуться с противодействием и открытым недовольством революционной матросни, составлявшей экипажи военных кораблей и порта и возглавляемой их «Центрокаспием» – комитетом с полубольшевистской окраской. Каспийская военная флотилия, состоявшая тогда из канонерских лодок «Карс» и «Ардаган» (с сильной артиллерией) и нескольких вооруженных пароходов, представляла собой скорей пиратскую вольницу, не признававшую никого и ничего.

Генералу Бичерахову надо было торопиться с уничтожением этого очага постоянных смут и большевистской заразы, для каковой цели он командировал в Черное море корабельного инженера поручика Н.А. Дремлюженко¹⁶⁷ с просьбой к морскому командованию прислать кадровых офицеров и команды для ликвидации «Центрокаспия» и создания Добровольческой военной флотилии, при помощи которой можно было бы обеспечить тыл и правый фланг Добровольческой армии, продвигавшейся через Терскую область к побережью моря.

В Казвине в ту пору находилась небольшая группа морских офицеров, пробравшихся туда в разное время и различными путями, но с одной целью: всеми силами защищать интересы и честь русской земли, обкрадываемой и раздираемой на части не только явными недругами, но и ее «друзьями» и «союзниками».

Узнав от английского консула Макдональда, только что прибывшего в Казвин из Баку, все политические, фронтовые и иные новости и взвесив их, наши испытанные уже балтийцы: старший лейтенант Н.Н. Лишин¹⁶⁸, старший лейтенант Н.В. Потапов¹⁶⁹, лейтенант барон Нолькен и др. – поверили, что как Данстерфорс, так и организуемая в Энзели боевая английская флотилия ставят главной своей целью «помощь» в Белой борьбе, почти одновременно вспыхнувшей, правда отдельными очагами, по всем пограничным областям необъятной Российской империи.

С предлагаемой службой в составе английской флотилии русских моряков примиряли два важных обстоятельства: на английских кораблях будут подняты Андреевские флаги и, состоя в числе личного состава флотилии, они всегда будут в курсе эгоистично «мудрой» политики лукавого Альбиона, что во всяком случае необходимо для белого Верховного командования и бесценно для будущей объективно правдивой истории.

В феврале 1919 года группа морских офицеров, возглавляемых капитаном 2-го ранга Б.М. Пышновым¹⁷⁰, по распоряжению генерала Деникина должна была пройти из Черного моря эшелоном в порт Петровск на Каспийском море и положить начало морской добровольческой силы. Конкретно было сказано мало – были лишь высказаны благие пожелания. 4 марта эшелон выехал из Новороссийска и 22 марта прибыл в гавань Петровск, где был придан отряду генерала Пржевальского¹⁷¹ и нес для начала наряды гарнизонной службы.

Территория Петровского порта находилась в руках англичан, и там они имели несколько вооруженных среднекалиберной артиллерией больших коммерческих пароходов, несших дозорную службу северной части моря. 8 апреля отрядом Пышнова был получен первый «корабль» – моторный баркас «Успех» около 30 тонн водоизмещения, на котором бежал из Астрахани капитан 2-го ранга Ордовский-Танаевский¹⁷². Тотчас же на корабль были назначены лейтенант Р.Э. Вирен, мичман Вильгельминин¹⁷³, инженер-механик мичман Колесников¹⁷⁴ и несколько надежных матросов. Баркас вооружили пулеметом и подняли русский национальный флаг, так как еще 1 марта 1919 года английское командование заявило, что присутствие Андреевского флага в Каспии невозможно! Переговоры капитана 2-го ранга Пышнова с главным английским командованием в Баку о передаче в его распоряжение отряда канонерских лодок «Карс» и «Ардаган» не увенчались успехом.

В середине апреля на Старо-Тереченскую пристань в 150 милях к северу от Петровска прибыла вторая группа офицеров и матросов и начальник флотилии капитан 1-го ранга А.И. Сергеев¹⁷⁵. Для переброски в Область Войска Уральского автоброневого дивизиона были заняты морские команды парохода «Самет-Ага» – командир старший лейтенант Н-ов, мичман А. Степанов¹⁷⁶ и другие, инженеры-механики мичман Экк¹⁷⁷, Трейер¹⁷⁸ и Ильин¹⁷⁹. «Эдиссон» – командир лейтенант Шепелев¹⁸⁰, мичманы Шейнерт¹⁸¹, Павлов¹⁸² и другие и инженеры-механики мичманы Нехорошев¹⁸³ и Литвинюк¹⁸⁴. 25 апреля трактористы под командой капитана 2-го ранга Пышнова прибыли в Гурьев, занятый белыми частями, и, успешно выполнив задание, к 4 мая вернулись в Петровскую гавань.

В середине мая 1919 года отряд английских вооруженных пароходов под командой командора Норриса имел бой с большевиками у 12-футовой банки у форта Александровск и якобы разбил находившиеся там суда красных. Между тем из имеющегося описания видно, что англичане не использовали до конца имевшиеся в их распоряжении силы, так как почему-то большевистские вооруженные корабли показали известную растерянность.

Адмирал Колчак во время доклада этой части в июне того же года в Омске забросал докладчика (старшего лейтенанта Лишина) вопросами: «Почему командор в первой части боя шел кильватерной колонной, а не развернутым строем? Почему ушли, имея возможность закончить бой как следует? Ведь большевики еще отвечали и вы не могли быть уверены, что вами нанесено решительное поражение? Почему не послали «Си-Эм-Би», которые были на

Волге? Почему баржа «Волга» с шестидюймовыми пушками и полным запасом снарядов не была использована хотя бы в последней стадии боя?» – «Видимо, ответ надо искать в «плоскости политики», – только и мог сказать докладчик.

На второй день после боя английский отряд на обратном курсе был атакован двумя советскими миноносцами: «Финном» и «Эмиром Бухарским». Миноносцы шли параллельным курсом и, дойдя до траверза английского отряда, уменьшили ход. Несколько мгновений – и английские суда взяты в «вилку». Залпы английских орудий давали большие недолеты, в то время как снаряды большевистских миноносцев ложились образцово точно и идеально по одинаковому расстоянию разрывов от английских судов. Миноносцы продолжали давать свои чередующиеся аккуратные недолеты и перелеты. Еще несколько раздражающих «вилок», и вдруг миноносцы развернулись и, дав полный ход, ушли в сторону форта Александровского.

– Ей-богу, будь я проклят, – выкрикнул командор, – какая чудесная стрельба, какая поразительно точная корректировка. Но почему же они все-таки не хотели нас топить?

– Потому что они не большевики, сэр, – ответил старший лейтенант Лишин, все время находившийся с Норрисом на мостике «Крюгера» (английский флагманский корабль).

27 апреля 1919 года на якорную стоянку английской флотилии у острова Чечень пришел небольшой пароходик яхточного типа «Чайка», направлявшийся из Петровска в Гурьев. На нем находился генерал Гришин-Алмазов¹⁸⁵ со штабом, отправлявшийся по поручению генерала Деникина к адмиралу Колчаку в Омск. Генерал Гришин-Алмазов и чины его штаба были приглашены на «Крюгер», где командор Норрис обошелся с ними исключительно любезно. Когда же выяснилось, что генерал Гришин-Алмазов, направляясь к Колчаку, собирается пройти на Гурьев (северо-восточный угол Каспия при впадении реки Урал в море), то командор просил его изменить курс на более безопасный и предложил генералу эскортировать его через море, плавание по которому было небезопасно ввиду частого появления в этих водах большевистских кораблей. Генерал согласился.

Так в первых числах мая 1919 года в утренние часы, при почти безоблачном небе и совершенно гладком море, «Крюгер» взял яхточку генерала Гришина-Алмазова на буксир и, с «Вентюром» в кильватере, двинулся к форту Александровскому. Не доходя десятка два миль до форта, командор приказал отдать буксир и передал в рупор, что генералу Гришину-Алмазову предлагается идти самостоятельно в форт Александровский, так как ему никакой опасности больше не угрожает.

Часа через два после того, как был отдан буксир и «Крюгер» и «Вентюр» скрылись за горизонтом, на пароходик генерала Гришина-Алмазова откуда-то налетел миноносец красных. Раненный в ногу, выпустив на нагрянувших большевиков почти все пули из своего револьвера, генерал застрелился. Офицеры штаба генерала Гришина-Алмазова были частью убиты в жестокой стычке, частью изранены и захвачены в плен живыми. Все документы попали в руки врага.

Это был удар, страшный своей неожиданностью и трагичностью. Помимо чисто человеческой трагедии, здесь был разрыв связи между генералом Деникиным и Верховным правителем России. Несомненно, что в руках генерала Гришина-Алмазова было много важнейших документов, докладов и планов, имевших крупное военное и политическое значение. Командор Норрис, конечно, не мог не знать, что Гурьев был в руках белых войск, а что на большевистской базе в форту Александровском стояли в готовности и нередко выходили в море вооруженные пароходы «Дело», «Бомбак», «Коломна» и переброшенные из Балтийского моря миноносцы «Деятельный», «Дельный», «Расторопный», «Финн» и «Эмир Бухарский».

Здесь, пожалуй, небезынтересно также вспомнить и «разговор» между капитаном 1-го ранга К. Шубертом¹⁸⁶, официально прибывшим в конце марта 1919 года на «Крюгер», и командором Норрисом. Капитан 1-го ранга Шуберт заявил, что в его распоряжении имеется морской офицерский и матросский состав и что он прибыл для того, чтобы восстановить русскую Кас-

пийскую флотилию и, если понадобится, вооружить в придачу к ней несколько коммерческих пароходов. Командор категорически заявил, что не считает нужным иметь на Каспийском море другие силы, кроме тех, которые уже имеются. Вообще, разговор капитана 1-го ранга Шуберта с Норрисом не принес никаких результатов.

В первой половине мая 1919 года капитан 1-го ранга Шуберт, ничего не добившись от английского командования, решил организовать поход в Астрахань на рыбачьих парусниках, именуемых на местном наречии «рыбницами». Несмотря на видимую нелепость этого похода, настроение молодежи, покидавшей Петровск, было неудержимо бодрое. «Рыбницы» представляли собой палубные рыбачьи парусники, грузоподъемностью до тысячи пятисот пудов, в большинстве случаев двухмачтовые с гафельным вооружением.

Как и следовало ожидать, армада капитана 1-го ранга Шуберта, состоявшая из 10 «рыбниц», Астрахань не взяла, но с помощью Николая Угодника и благодаря храбрости молодых моряков, она в нужный момент помогла войскам генерала Драценко¹⁸⁷, наступавшим на Астрахань в направлении к северу от пристани Серебряковской. «Рыбницы» доставляли для отряда генерала Драценко муку, боевые припасы, перевозили раненых в ближайший тыл и пр. Несмотря на слабое вооружение (пулеметы, а на некоторых горные трехдюймовые пушки на колесных лафетах), армада выдержала не один «морской бой» с превосходящими силами красных, при минимальных потерях, как тяжелое ранение инженера-механика мичмана А. Ильина и двух-трех матросов. Эта армада была, в сущности, началом боевой Каспийской флотилии под Андреевским флагом!

В июне 1919 года англичане получили директивы приступить к постепенной ликвидации своей флотилии и капитан 1-го ранга (впоследствии контр-адмирал) А.И. Сергеев начал с ними переговоры о передаче судов русскому командованию. Тогда же он организовал морской штаб. Начальником штаба был назначен капитан 2-го ранга Апушкин¹⁸⁸, которого позже сменил капитан 1-го ранга Рябинин¹⁸⁹. Начальник службы связи капитан 2-го ранга барон Фитингоф¹⁹⁰ приступил к установке на побережье ряда наблюдательных пунктов и радиостанций. Аейтенант Буцкой¹⁹¹ отправился в Область Войска Уральского для налаживания связи через этот промежуточный этап между Добровольческой армией и Верховным правителем адмиралом Колчаком, а также для установки в Гурьеве мощной радиостанции. У всех чувствовался подъем и желание как можно скорее в открытую, без «помех» сразиться с врагом.

В июне же генерал Деникин отдал приказ об откомандировании с фронта в Каспийскую военную флотилию всех морских офицеров, которые группами и поодиночке начали прибывать в порт Петровск. В июне и в июле, заслышав о создании белой флотилии, начали прибывать на своих парусниках рыбаки-астраханцы. Это были природные моряки, давшие флотилии надежных и храбрых матросов-добровольцев.

В июне из Баку пришли небольшие колесные пароходы «Араг» и «Кизил-Агач» и винтовой буксир «Доброволец». На «Араге» были установлены две 75-мм пушки, «Кизил-Агач» совершал регулярные рейсы между Петровском и Бирюзаком-Логанью, доставляя армии грузы и вывозя раненых. 3 июля произошла перестрелка парохода «Араг» (командир лейтенант Мацылев¹⁹²) с двумя пароходами красных и затем дозорным пароходом красных у устья Волги.

В июле же англичане передали восемь катеров и истребителей «Си-Эм-Би» и их базу, пароход «Кама» и одну 75-мм пушку и одну зенитку. 19 июля вспомогательный крейсер «Азия» (командир капитан 2-го ранга Пышнов), «Доброволец», «Кизил-Агач» и «Араг» поддерживали высадку десанта у Логани. Перестрелка с баржей с шестидюймовыми орудиями и с пароходами красных. 18 июля – передача англичанами парохода «Европа» (три тысячи тонн, 12 узлов, две шестидюймовки) и вслед за этим и других кораблей. 3 августа был бой канонерской лодки «Надежда» с большевистским пароходом, закончившийся уничтожением последнего. 8 августа, конвоируя транспорта, «Надежда» имела бой с тремя пароходами, 9 августа

ночной бой у Логани с тремя судами красных. 14 августа пароход «Араг» и канонерская лодка «Надежда» вошли в устье Волги и имели бой с двумя большевистскими пароходами. 15-го взорвался на mine заграждения и погиб в районе Логани вооруженный пароход «Араг». Было четверо убитых и несколько раненых.

К началу сентября флотилия состояла из шести или семи боевых кораблей: «Дмитрий Донской» (командир капитан 2-го ранга Бушей), «Слава», «Америка», «Кама» и «Волга», катер «Доброволец», канонерская лодка «Опыт» и канонерская лодка «Надежда». 10 августа был бой «Надежды» с большевистскими пароходами и двумя баржами с шестидюймовыми орудиями.

13-го, 14-го и 15 августа перестрелка с пятью пароходами и двумя баржами красных, 16 сентября был бой «Дмитрия Донского», «Славы» и «Америки» с двумя баржами, вооруженными шестидюймовыми орудиями. Одна баржа красных была уничтожена.

18 сентября красными была произведена воздушная атака на «Надежду», когда она вела бой с пароходом типа «Князь Косожский». Воздушные атаки производились 18-го, 20-го и 21 сентября. 22 сентября большевики снова появились в море, и навстречу им вышли «Надежда» и «Опыт». На широте Логани «Надежда» попала на минное заграждение, взорвалась и затонула. Все были спасены шлюпками с «Опыта». Ранены были двое: капитан 1-го ранга Марков, прибывший незадолго до похода на канонерку для изучения театра войны и знакомства с отрядом, и командир лейтенант Вирен. Оба тяжело.

«Надежде» действительно не повезло: в тот же день на большевистском паруснике была захвачена «Америкой» карта минных заграждений. «Америка» вышла в крейсерство к форту Александровский и на рассвете в районе 12-футового рейда обнаружила на горизонте парусник, который старший лейтенант Ваксмут решил осмотреть. Обыск поначалу ничего не дал, обратили на себя внимание лишь «рыбаки», вид которых внушал подозрение. Повторный осмотр дал неожиданные результаты: под килем был укреплен минный аппарат с миной Уайтхеда, готовый к выстрелу. Экипаж был сплошь старые матросы-коммунисты, получившие большие деньги за попытку атаковать какой-либо из белых военных кораблей. Судом они все, за исключением лишь одного человека, были приговорены к расстрелу, и приговор был приведен в исполнение как раз в день гибели «Надежды». Таковы суровые законы войны, в особенности гражданской.

Вскоре затем, в связи с общей политической и военной обстановкой, Каспийская флотилия была расформирована и личный состав, в главной массе через Месопотамию, проследовал во Владивосток, куда прибыл 23 сентября 1921 года в числе 80 офицеров и свыше 200 матросов под командой последнего начальника штаба флотилии капитана 1-го ранга Пышнова. Имея в виду, что расформирование Каспийской флотилии в марте 1920 года происходило в очень сложной, чтобы не сказать «запутанной», политической обстановке, то здесь попробуем беспристрастно подойти к событиям тех дней.

Из личной переписки автора этих строк с одним из наиболее активных боевых офицеров Каспийской флотилии капитаном 2-го ранга А.П. Ваксмутом, ныне проживающим в Австралии, и старшим флаг-офицером командующего флотилией, лейтенантом А.И. Стилиным¹⁹³, ныне покойным, ликвидация белого Каспийского флота происходила при следующих условиях.

В дни эвакуации порта Петровск для Каспийской флотилии, казалось, было два выхода: а) предложение англичан использовать Энзели как базу флота, где русские суда останутся под Андреевским флагом в полной боевой готовности, и б) предложение азербайджанского правительства воспользоваться портом в Баку, и первая реальная помощь – снабжение судов флотилии нефтью.

Командующий флотилией адмирал Сергеев приказал судам идти в Энзели. Перед входом в порт англичане предъявили новые требования интернирования, состоящие из четырех пунктов: 1) спустить Андреевские флаги, 2) передать замки от орудий англичанам, 3) команд-

ному составу оставить личное оружие на судах и 4) занять предоставленные бараки, где все будут содержаться на положении военнопленных. Командующий флотилией приказал поднять сигнал и флотилии в полном составе идти в Баку.

Азербайджанское правительство предлагало весь личный состав флотилии принять на службу республики. Вопрос флага на судах оставался пока открытым, в случае же подхода к Баку флота красных флотилия вступит в бой под Андреевским флагом. О вновь сложившейся обстановке на заседании флагманов и командиров было решено доложить Главнокомандующему, с каковою целью адмирал Сергеев должен был отправиться к генералу Деникину. За время отсутствия адмирала Сергеева временно командующим флотилией был назначен капитан 1-го ранга Б.М. Бушей. По приезде в Батум адмирал Сергеев узнал, что генерал Деникин сдал командование генералу барону Врангелю. Удалось связаться с Крымом и получить распоряжение нового Главнокомандующего генерала Врангеля: Каспийской флотилии вступить на службу азербайджанскому правительству.

Вернувшись в Баку, адмирал Сергеев не нашел на рейде ни одного корабля своей флотилии – последнюю увел снова в Энзели капитан 1-го ранга Бушей, опираясь на: 1) ранее изданный приказ генерала Деникина «идти в Энзели, где интернироваться, а не идти в Баку» и 2) документ, в котором англичане предлагали весьма приемлемые условия интернирования и от чего не замедлили цинично отказаться. В Баку оставались адмирал Сергеев, лейтенант Путилин¹⁹⁴, старший лейтенант Кулаков¹⁹⁵, Устинов¹⁹⁶ и другие офицеры, перешедшие затем к Врангелю, флотилия же интернировалась в Энзели с риском, что ее личный состав будет выдан англичанами при первом удобном случае большевикам, что и могло случиться во Владивостоке, если бы транспорт пришел туда раньше занятия города белым правительством братьев Меркуловых.

На Волге, Каме и сибирских реках

Почти одновременно с действиями белых флотилий на всех противобольшевистских фронтах борьбы, в северных водах, в Прибалтике, на Онежском озере, в Черном, Азовском и Каспийском морях, все интенсивнее развивалась упорная борьба по рекам Восточно-Европейской России и Сибири. Реки являлись водными путями, по которым перевозились войска и воинские грузы. В Волжско-Камском районе все главнейшие города, заводы и селения расположены на берегах рек, поэтому экономическая жизнь населения тесно связана с использованием речным транспортом.

Здесь мы должны, к глубокому сожалению, отметить один характерный и, можно сказать, традиционный для русской истории факт – это почти полное незнание сухопутных военачальников с сущностью морской и речной силы и ее исключительным значением в общем деле борьбы. Сухопутное командование, не взвешивая ту или иную возможность действий флота, ставило свои задачи в расчете, очевидно, на находчивость и интеллигентность моряков.

Если к этому прибавить, что сама организация «из ничего» белых речных флотилий была всецело предоставлена инициативе и способности моряков, то легко представить все исключительные трудности успешного ведения борьбы, и тем более в атмосфере полного равнодушия, если не недоброжелательства, как со стороны отравленной ложью основной массы населения.

После занятия в первых числах июня 1918 года чешскими легионами Самары, по пути их следования из русского плена на Владивосток, по инициативе мичманов Мейрера¹⁹⁷ и Ершова¹⁹⁸ было положено начало боевой Волжской флотилии. Ими были реквизированы сильные буксиры: «Фельдмаршал Милютин» и «Вульф». Вскоре на зарождавшуюся флотилию прибыли еще несколько морских офицеров: капитан 2-го ранга Феодосьев¹⁹⁹, старшие лейтенанты Фомин²⁰⁰, Четвериков²⁰¹, Розенталь²⁰², Степанов²⁰³, лейтенант Дмитриев и др.

С чрезвычайной трудностью удалось убедить наше армейское командование да и чехов, в чьих руках были пушки, поставить на баке «Милютина» и «Вульфа» по одной трехдюймовке. Когда полковник Каппель²⁰⁴, двигавшийся со своим отрядом по правому берегу Волги, встретил сильное сопротивление большевиков у села Климовка, молодая флотилия пришла ему на помощь и прижатых к реке красноармейцев добивала картечью. Правый берег Волги был очищен от красных до самого Симбирска, флотилия же увеличилась на один вооруженный винтовой буксир, в перестрелке отнятый у противника. Таким образом, после каждой стычки с красными белая флотилия росла и усиливалась.

В середине августа Волжская флотилия была уже развернута в три дивизиона, имевших от шести до восьми судов в каждом. Суда были вооружены сухопутными трехдюймовыми и 42-мм пушками и пулеметами, имея по одному орудию на корме и одному на носу. Кроме того, были вооружены две плавучие батареи, имеющие по два шестидюймовых орудия Шнейдера с крайне ограниченным запасом снарядов. На судах флотилии были подняты Андреевские флаги, взамен черно-желтого Георгиевского флага, как было введено в Народной Армии Каппеля, личный состав которой носил на шапках вместо кокарды георгиевские ленточки.

В силу создавшейся общеполитической и военной обстановки завладение Казанью, для успеха Белого движения, являлось необходимым и неотложным. Ко времени похода на Казань сами собой уже запросились некоторые изменения в командном составе флотилии. Так, при командующем мичмане Мейрере начальником штаба боевой флотилии был утвержден старший лейтенант Фомин, начальником Первого дивизиона – капитан 2-го ранга Феодосьев и т. д.

Со взятием Казани в должность командующего Волжской боевой флотилией вступил контр-адмирал М.И. Смирнов²⁰⁵. В связи со стратегическим планом сухопутного командования через месяц Казань пришлось эвакуировать. Первому дивизиону флотилии было поручено вывезти находившийся там золотой запас в Самару, по данным банка, около 660 миллионов рублей золотом. Задача была выполнена. По окончании этой операции первый дивизион был назначен под командованием капитана 2-го ранга Феодосьева прикрывать отступление армии за Каму, а остальные суда, с адмиралом Смирновым во главе, пошли вверх по Каме, впадающей в Волгу верстах в шестьдесят от Казани. В продолжение четырех дней Первый дивизион, состоявший из четырех кораблей, удерживал натиск красной флотилии, раз в пять численно большей. Так закончилась Волжская кампания и началась кампания Камская.

Почти одновременно с происходившими переменами общего положения на фронте изменился не только состав и общая тенденция правительства освобожденных областей, но и местопребывание самой политической власти. Из нижеприведенных двух документов уже ясно намечался дальнейший ход истории борьбы за национальную Россию. 18 ноября 1918 года по телеграфу во все концы Сибири были переданы следующие сообщения.

Вследствие чрезвычайных событий, прервавших деятельность Временного всероссийского правительства, Совет Министров, с согласия наличных членов Временного всероссийского правительства, постановил принять на себя полноту верховной государственной власти. Совет Министров постановил: «Ввиду тяжелого положения Государства и необходимости сосредоточить всю полноту Верховной власти в одних руках, Совет Министров постановил передать временно осуществление Верховной Государственной власти адмиралу Колчаку, присвоив ему наименование Верховного Правителя».

Адмирал Колчак со своей стороны обратился к населению со следующим воззванием: «Всероссийское Временное Правительство распалось. Совет Министров принял всю полноту власти и передал ее мне – адмиралу Александру Колчаку. Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях Гражданской войны и полного расстройств государственной жизни, объявляю, что я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления,

который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру. Призываю вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, к труду и жертвам! Верховный Правитель, адмирал Колчак. 18 ноября 1918 г. Город Омск».

Начальный период управления адмирала Колчака много сложнее, чем могло казаться. После переворота 18 ноября 1918 года все события, носившие до того времени местный характер, стали общегосударственными. Только в этот период сказывается на всех событиях решающее значение интервенции. Взаимоотношения Омского правительства с союзниками на фоне взаимоотношений самих союзников – это один из основных факторов трагической истории адмирала Колчака. Российский характер власти с претензиями на представительство интересов всей России, в связи с признанием адмирала как Верховного правителя генералами Деникиным, Юденичем и Миллером, сделали Омск центром, определявшим направление общей политики национальных антибольшевистских сил. Характеристика важнейших мероприятий Омского правительства выявляет поэтому политическую физиономию всего антибольшевистского движения этого периода. Союзники как будто и поддерживают это движение, но их участие в борьбе оказывается настолько бессистемным, проникнутым такой нерешительностью и часто непонятной неопределенностью, что его отрицательные стороны перевешивают положительные.

Деятельность образовавшегося при Омском правительстве Морского министерства, во главе с военным и морским министром адмиралом Колчаком, осенью 1918 года выразилась в следующем:

1. Во Владивостоке была сформирована Сибирская флотилия в составе нескольких миноносцев и транспортов, там же производилось формирование команд для Амурской флотилии, которая была захвачена японцами еще летом 1918 года и возвращение которой, по их уверениям, можно было ожидать вскоре. Общее командование морскими силами Дальнего Востока было поручено контр-адмиралу С.Н. Тимиреву, а впоследствии весной 1919 года его сменил контр-адмирал М.Г. Федорович²⁰⁶.

2. В Красноярске организовалась Бригада морских стрелков под начальством контр-адмирала Ю.К. Старка. В бригаду вошли все воинские чины Волжской флотилии численностью около двухсот человек.

3. В Томске функционировала машинно-моторная школа, давшая около двухсот учеников машинистов и мотористов на флотилию.

4. Во Владивостоке была открыта радиошкола, сформирована морская учебная команда и поддерживалось существование ранее сформированного Морского корпуса и т. д.

В силу многих причин, от Морского министерства не зависящих, а прежде всего в связи с распоряжениями и требованиями сухопутного начальства, начатая была работа не была проведена, как намечалась. Например, Бригада морских стрелков, намечавшаяся в шесть тысяч человек, получила всего 1500 совершенно необученных и неодетых людей, а Амурская флотилия так и не была передана русскому командованию японцами.

Ноябрь и декабрь 1918 года были употреблены Морским министерством на усиленную подготовку материальной части для будущей Камской флотилии и на разработку планов ее вооружения и организации, но уже в течение этой работы оказалось, что у Морского ведомства в Сибири нет никакого вооружения, а что армия не может дать для этого ни одной пушки, ни одного пулемета. Между тем в конце декабря

1918 года белыми войсками была взята Пермь, где было захвачено большое число пароходов, годных для вооружения; разведка же доложила, что красными на Сормовских заводах в Нижнем Новгороде спешно вооружается громадная флотилия, причем на суда устанавливаются четырехдюймовые и 120-мм пушки, снятые с кораблей в Кронштадте. Общее руководство всей морской артиллерийской частью лежало на капитане 2-го ранга Розентале, офицере

отличной подготовки и выдающейся энергии, и лейтенанте В.С. Макарове²⁰⁷, опытном артиллерийском офицере, совершенно исключительных способностей, как организационных, конструктивных, так и боевых. Морское командование серьезно готовилось к началу навигации. К весне 1919 года удалось создать два батальона морских стрелков, собранных из числа мобилизованных людей, около двух тысяч человек. Командиром морских стрелков был назначен контр-адмирал Ю.К. Старк, командиром 1-го батальона – капитан 2-го ранга Н.Н. Степанов, 2-го батальона – капитан 2-го ранга П.В. Тихменев.

Командующим всей боевой флотилией на реке Каме в апреле

1919 года был назначен контр-адмирал М.И. Смирнов, начальником штаба – капитан 1-го ранга Н.Ю. Фомин. Флотилия состояла из 12 хорошо вооруженных судов. 3 мая 1919 года Камская боевая флотилия начала кампанию. На всех кораблях были подняты Андреевские флаги. На теплоходе «Волга», где помещался штаб флотилии, был отслужен молебен.

Начальник штаба Верховного командования генерал-майор Лебедев²⁰⁸ не давал никаких указаний относительно плана кампании, как и командующий Сибирской армией генерал-лейтенант Гайда²⁰⁹, который также не высказывал определенных мыслей. Было ясно, что сухопутное командование действует без плана. В силу этого морскому командованию предстояло действовать также по обстановке. Упорный и решающий бой 24 мая у Святого Ключа сильно поднял дух личного состава нашей флотилии, так как показал, что, несмотря на превосходство неприятеля в силе и дальности артиллерии, мы могли успешно сражаться с ним, благодаря преимуществу нашего личного состава. За весь этот период непрерывающейся упорной борьбы с переменным успехом на берегах Камы флотилия поддерживала армию сколько могла. Больших сражений было еще три: у Гольян, Бабок и Сюзовы.

Приблизительно в те же дни – середины 1919 года – на всех фронтах Белой борьбы был испугавший красных и встревоживший союзников очевидный успех белых армий и флота. Главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенант Деникин издал приказ № 145 от 30 мая 1919 года о подчинении адмиралу Колчаку как Верховному правителю Русского государства и Верховному главнокомандующему Русских Армий. Кавказская армия под командованием генерала барона Врангеля 19 июня заняла Царицын, в связи с чем тотчас же с Черноморского театра войны был командирован в Царицын для формирования флотилии на нижнем течении Волги адмирал Е.Н. Заев и переброшен дивизион катеров (8) под командой капитана 2-го ранга А.П. Ваксмута, который, сдав катера капитану 2-го ранга Потемкину, бывшему там морским начальником, продолжил с группой офицеров путь, согласно общему распоряжению штаба, в Петровск на Каспийском море. 20 июня генерал Деникин отдал директиву армии идти на Москву; поход Северо-Западной армии генерала Юденича на Петроград и т. д.

Верховный правитель и Верховный главнокомандующий адмирал Колчак объявил свой знаменитый приказ от 25 июня 1919 года за № 153, из которого приведем здесь лишь несколько характерных для переживаемого тогда момента пунктов:

«Но... близится час суда и расплаты, и армия русская свершит этот суд над предателями Родины, продавшимися вечному врагу – немцам для осуществления сумасшедших попыток основать международное социалистическое государство, лишенное национальности, веры, права и чести. И в эти дни создания Армии Великой и Нераздельной России, я от имени нашей Святой Родины приношу глубокую благодарность Главнокомандующим и Командующим армиями, офицерам и солдатам и казакам, преклоняюсь перед великими трудами, страданиями и кровью, пролитой во имя ее блага и счастья...»

«С непоколебимой верой в светлое и славное будущее России и народа русского и армии русской продолжайте свой великий подвиг служения... *Адмирал Колчак*».

4 августа 1919 года Пермь была занята большевиками. При эвакуации с Камы флотилия имела еще около трех тысяч матросов и свыше 100 офицеров. Но в Омске часть людей, глав-

ным образом артиллеристы, были переданы в армию, часть выделена в состав вновь созданной Обь-Иртышской флотилии, а главное ядро в числе 1500 человек при 70 офицерах под командой капитана 2-го ранга П.В. Тихменева пошло на создание Морского учебного батальона. Ротными командирами были старший лейтенант Гессе²¹⁰, лейтенант Де Кампо-Сципион²¹¹, мичман Мейерер и еще один сухопутный офицер.

В начале сентября Учебный батальон был выслан на фронт и с этого момента вплоть до полного истребления непрерывно находился в боях, будучи назначаем на самые ответственные участки фронта. В одном из штыковых боев 12 сентября 1919 года пали геройской смертью командир батальона капитан 2-го ранга П.В. Тихменев, один из ротных командиров лейтенант Де Кампо-Сципион, 12 офицеров и доброволец восемнадцатилетний Олег Завариин. Принимавший все близко к сердцу, не выдержав нервного напряжения, застрелился старший лейтенант Гессе. Это был выдающийся, образованный и храбрый офицер Балтийского флота, в период Белой борьбы уже отличившийся в Камской боевой флотилии.

В Обь-Иртышской флотилии было сделано следующее изменение сформированного 2-го дивизиона для плавания по Оби, Иртышу, Товде, Тоболу и другим притокам. Командиром флотилии был назначен капитан 1-го ранга Феодосьев, начальником 1-го дивизиона – капитан 2-го ранга Гутан²¹², начальником 2-го дивизиона – старший лейтенант Гакен²¹³. Начальником 1-го дивизиона был назначен вместо погибшего старший лейтенант Макаров, который в исключительно тяжелых условиях, прорывая неприятельские линии, при поддержке артиллерийского огня с кораблей высаживал десанты в тылу у неприятеля. Так продолжалось до 10 октября 1919 года, когда старший лейтенант Макаров был отправлен со своим дивизионом в Омск. На реке Тура мученически погиб со всем экипажем «Александра Невского», в районе неприятельского расположения, капитан 2-го ранга Гутан, захваченный обманом в ловушку красными.

Конечно, только что сказанное не охватывает и десятой доли всех действий Обь-Иртышской группы, как, например, поход за баржами в тылу красных, большой десант у деревни Новой, непрерывные бои, высадка и захват укрепленных позиций армии красного маршала Блюхера у Усть-Ишимы в конце сентября 1919 года и пр.

В силу создавшейся обстановки Обь-Иртышская флотилия, после блестящей деятельности под Тобольском и на Иртыше, с наступлением холодов тянулась к Томску, где после катастрофы на фронте все корабли оказались отрезанными от тыла и попали в руки красных. Так, около Красноярска погиб командующий Обь-Иртышской флотилией капитан 1-го ранга П.П. Феодосьев и около 20 морских офицеров, когда отступавшую группу окружили большевики. Вообще же из офицеров, бывших на Камской флотилии, лишь немногие, в силу случайно сложившихся обстоятельств, избежали общей участи и при исключительно тяжелых условиях добрались до Дальнего Востока.

Между тем поступки и действия союзного командования в отношении Верховного правителя адмирала Колчака вызвали уже не только сомнения в их искренней помощи, но открытое возмущение, что можно заключить хотя бы из следующего приказа.

Владивосток. Генералу Розанову

Повелеваю Вам оставить русские войска во Владивостоке и без моего повеления их оттуда не выводить. Интересы государственного спокойствия требуют присутствия во Владивостоке русских войск. Требование о выводе их есть посягательство на суверенные права Российского Правительства!

Сообщите Союзному Командованию, что Владивосток есть русская крепость, в которой русские войска подчинены мне и ничьих распоряжений, кроме моих и уполномоченных мною лиц, не исполняют.

Повелеваю Вам оградить от всяких посягательств суверенные права России на территории крепости Владивосток, не останавливаясь в крайнем случае ни перед чем!

Об этом моем повелении уведомьте также Союзное Командование.

12 ч 45 мин. 29 сентября 1919 г.

Адмирал Колчак

Твердость адмирала произвела должное впечатление и еще больше укрепила его авторитет в рядах национальных русских сил, но, видимо, срывала планы союзников, и они решили бороться с ним путем закулисной подрывной работы, ловко связав ее с тайной, но крайне упорной работой большевиков. Не входя здесь в подробности «достойной» работы союзников, перейдем сразу к ее результатам.

В то время как в центре Сибири происходила тяжелая драма войск, брошенных с изменой чехов на произвол судьбы, окруженных со всех сторон врагами и не желавших сдаваться, в Иркутске происходило торжество. Революция с негласной помощью «союзников» побеждала. Без обозначения числа распространялся манифест Политического Центра. «Волею восставшего народа и армии, – говорилось в манифесте, – власть диктатора Колчака и его Правительства, ведших войну с народом, низвергнута. Атаманы Семенов²¹⁴ и Калмыков²¹⁵, генерал Розанов²¹⁶ и адмирал Колчак объявляются врагами народа» и т. д. и т. д. «К труду и свободному самоуправлению зовет вас, граждане Сибири, Политический Центр (январь 1920 г.)». Манифест был подписан председателем Политического Центра Ф. Федоровичем, товарищем председателя И. Ахматовым, членами: Фельдманом, Гольдманом и др.

Но где же был в это время «враг народа» адмирал Колчак? Так же, как и правительство, он попал в ловушку... По распоряжению французского генерала Жанена и при непосредственном участии чешского генерала Сирового чешский конвой задержал в Нижнеудинске Верховного правителя при его возвращении с фронта и, не позволив ему тронуться с места, лишил его связи с внешним миром. В тот же день, то есть 4 января 1920 года, в Ставке, в Нижнеудинске, в присутствии Председателя Совета Министров Пепеляева, адмирал Колчак подписал свою отставку.

5 января 1920 года, в соответствии с указом об отставке, адмирал Колчак, несмотря на горячие протесты и предостережения своего верного ближайшего военного окружения, распустил свою охрану и вместе с Пепеляевым перешел в поезд союзников, которые гарантировали ему проезд на восток. Вагон 2-го класса, куда был переведен Верховный правитель, был защищен всеми национальными союзными флагами: английским, американским, французским, японским и чешским. На станции Иннокентьевская под Иркутском, занятой войсками Политического Центра, поезд был задержан. Адмиралу было объявлено, что его дальше не повезут, и союзное командование передало его вместе с Пепеляевым представителям Политического Центра.

Чтобы решить участь адмирала Колчака, очевидно давно уже кем-то решенную, меньшевики и эсеры быстро организовали «чрезвычайную следственную комиссию» меньшевиков и эсеров. В эту комиссию вошли: К.А. Полов, Чудновский, В.П. Денике, Г.Г. Лукьянчиков и Н.А. Алексеевский. Комиссия начала свою деятельность 21 января 1920 года и закончила 6 февраля 1920 года. 7 февраля 1920 года в 4 часа утра в окрестностях Иркутска были казнены, вернее убиты: Верховный правитель России А.В. Колчак и его первый министр В.Н. Пепеляев. Их трупы, чтобы скрыть следы величайшего злодеяния, были спущены под лед реки Ангары.

Адмирал, по личным убеждениям, и почти вся русская антибольшевистская общественность были на стороне союзников, рассматривая борьбу с большевиками как продолжение германской войны. Не здесь ли кроется одна из наших основных ошибок, не была ли наша борьба с большевиками несравнимо более значительной для всего мира, чем наша война с Германией? Не была ли великой ошибкой наша союзническая ориентация? Пожалуй, ответ на этот боль-

ной вопрос дан самими союзниками и на Северном белом фронте устами главнокомандующего английскими вооруженными силами Северной области генерала Пуля, что «с большевиками они не воюют».

Нельзя не признать, что адмирал Колчак погиб за чужие грехи, и свободный мир должен понять, что предательство по отношению к адмиралу – великое злодеяние не только перед Россией, лишившейся одного из лучших своих вождей, но и перед достоинством наций, флаги которых красовались в центре антибольшевистского движения – Омске, которые приняли под свое покровительство адмирала на станции Иннокентьевская, и, наконец, перед историей.

История Гражданской войны на Волге, Каме и сибирских реках столь же захватывающе интересна, сколько сложна и трагична. Остается только пожалеть, что узкие рамки настоящего очерка не позволяют сколько-нибудь подробнее остановиться на описании и разборе всех военных операций.

Гардемарины на Дальнем Востоке

3 октября 1917 года Отдельные гардемаринские классы под общим начальством капитана 1-го ранга М.А. Кितिцына²¹⁷ были отправлены из Петербурга во Владивосток для учебного плавания. Учебный отряд состоял из вспомогательного крейсера «Орел» (командир старший лейтенант Афанасьев²¹⁸) и миноносцев «Бойкий» (командир лейтенант Недлер²¹⁹) и «Грозный» (командир лейтенант Якушев²²⁰). Капитан 1-го ранга Кितिцын ставил себе задачей воспитание гардемарин по новой учебной программе с расширенными практическими знаниями и на основе тех традиций, которыми жил двести лет Российский флот и которые должны были послужить здоровой базой для новых кадров офицеров.

Известия о большевистском перевороте дошли до отряда в Гонконге. Среди команд началась агитация и подготовка захвата кораблей и уничтожение неугодных офицеров и гардемарин. Капитан 1-го ранга Кितिцын, которому уже было известно о перевороте в России, снесся с послом в Аондоне через военно-морского агента в Японии контр-адмирала Б.П. Дудорова и получил возможность при поддержке английских морских властей сделать обратный переворот.

В назначенный день и час русский консул прибыл на «Орел» и прочитал бумагу, по которой все революционные нововведения отменялись и старые уставы и дисциплина вводились на отряде, начальником коего назначался капитан 1-го ранга М.А. Кितिцын. Не желавшим подчиниться было предложено вернуться во Владивосток на английском вспомогательном крейсере «City of London». Матросы бросились было к оружию, но всюду уже стоял караул из гардемарин, которые заняли посты во всех ответственных частях корабля. Из матросов на «Орле» остался только один. Гардемарины были распределены по всем специальностям от сигнальщиков и комендоров до трюмных и кочегаров включительно. Миноносцы стали к стенке. «Бойкий» был сдан англичанам в Гонконге, а через некоторое время «Грозный» передан французам в Сайгоне. «Орел», обратившийся из вспомогательного крейсера в учебный транспорт, стал в ожидании лучшего возить грузы между Гонконгом, Сайгоном и Хайфонгом.

В ноябре 1918 года распоряжением прибывшего в Сибирь адмирала Колчака были направлены во Владивосток все гардемарины Морского корпуса, Морского инженерного училища и Отдельных гардемаринских классов, а также юнкера флота. Из Индокитая в том же ноябре прибыла первая большая партия – пять офицеров и 62 гардемарина. В Шефнеровских казармах, в помещении школы специалистов было восстановлено Морское училище. В апреле 1919 года Морскому училищу пришлось принять участие в военных действиях против красных.

Летом велись практические занятия гардемарин на канонерской лодке «Маньчжур» – брейд-вымпел начальника учебного отряда капитана 1-го ранга Кितिцына. К «Маньчжуре»

был тогда же прикомандирован миноносец «Смелый». В учебный отряд входили: посыльное судно «Якут», ледоколы «Улисс» и «Диомид». В декабре вернулись во Владивосток из-за границы миноносцы «Бойкий» и «Грозный» и вспомогательный крейсер «Орел»; таким образом гардемаринский отряд увеличился вдвое.

К половине января 1920 года, после того как взбунтовалась инструкторская школа на Русском острове, во всем Приморье единственными надежными воинскими частями остались Морское училище и Военно-морская учебная команда – 70 матросов под командой известного уже нам капитана 2-го ранга Потолова. Ввиду создавшегося критического положения была решена эвакуация Владивостока. Командующий морскими силами контр-адмирал М.А. Беренс приказал начальнику училища капитану 1-го ранга Кितिцыну сформировать отряд судов особого назначения из всех способных двигаться кораблей Сибирской флотилии, исключая миноносцы. Увы, их оказалось по разным причинам немного. М.А. Кितिцыну удалось захватить только «Орел», «Якут» и ледокол «Байкал».

Гардемарины снова были распределены по всем специальностям. На корабли были взяты около 500 человек флотилии с членами их семейств, но с выходом еще медлили. Обстановка была очень сложная. Помимо несогласия между морским и сухопутным командованием, на Владивостокском рейде стояли корабли союзников. Они не хотели разрешать отхода отряда из Владивостока. Только личное вмешательство японского флагмана разрешило вопрос.

Ночью с 30-го на 31 января 1920 года контр-адмирал Беренс прибыл на «Орел» и дал приказ об эвакуации. В 5 часов утра ледокол «Байкал», ломая лед, начал выводить «Орла» и «Якута» из Золотого Рога. Большую опасность представляли батареи Русского острова, но они не проявили признаков жизни. Ледокол «Байкал», пожелав счастливого плавания, вернулся затем во Владивосток. «Орел» и «Якут» направились в Цуругу, имея небольшой запас провизии, довольно много консервов и нормальный запас угля. В Цуруге эвакуированные офицеры и их семьи съехали на берег. Съехали и контр-адмирал Беренс, капитан 2-го ранга Потолов и некоторые офицеры училища. Капитан 1-го ранга Кितिцын принял командование «Орлом».

Начальник Морского училища и отряда особого назначения капитан 1-го ранга Кितिцын решил из Японии пробраться в Европу, тем более что мысль о переводе Морского училища из Владивостока в Севастополь давно уже родилась в его голове. Суда из Цуруги пошли в Маджи и дальше в Гонконг и Сингапур. Там они починились, получили для перевозки новый груз и вышли в Калькутту, сделав небольшую остановку на Адаманских островах, где произвели учебный десант на берег. Дальше Цейлон, Сейшельские острова, Аден и Порт-Саид, где неожиданно застряли. В Порт-Саиде капитан 1-го ранга Кितिцын впервые достоверно узнал, что в Крыму Белая армия закрепились и продолжает борьбу с большевиками.

Между тем положение отряда становилось катастрофическим: кончились уголь, вода и провизия, не говоря уже о невозможности идти куда-нибудь, английский командир порта отказал даже дать разрешение сняться с якоря. Тогда капитан 1-го ранга Кितिцын поставил ультиматум английскому высокому комиссару в Египте, что если через 36 часов не будут даны уголь, вода и провизия, как и официальное разрешение выйти в море, то он выведет корабли и затопит их поперек Суэцкого канала. Действие этого ультиматума было магическое: не прошло двух часов, как англичане предоставили судам отряда все необходимое, и «Орел» и «Якут» 12 августа 1920 года пришли в Адриатическое море и стали на якорь в Дубровнике.

Здесь «Орел» был возвращен Добровольному флоту, «Якут» же получил предписание идти в Севастополь, взявши по дороге в Константинополе небольшой груз военного снаряжения. На него перешел капитан 1-го ранга Кितिцын с частью офицеров, с 49 корабельными гардемарины и 65 гардемарины 2-й и 3-й рот, которые и пошли в Крым. В Крым «Якут» пришел лишь к эвакуации, как и «Илья Муромец» из Белого моря и «Китобой» из Балтийского, сошедшиеся все трое в Севастополе. Все гардемарины, пришедшие на «Якуте», автоматически влились в Севастопольский морской корпус.

«Флотилия» в водах Дальнего Востока 1921–1922 годов

26 мая 1921 года объединенными усилиями антибольшевистских организаций во Владивостоке был произведен переворот. Восставшие в городе каппелевцы получили подкрепление: со стороны моря на барже, буксируемой катером, показался десантный отряд под командой капитана 2-го ранга Соловьева²²¹. Этот отряд, составленный почти исключительно из чинов флота, был встречен сильным ружейным и пулеметным огнем с судов, но все же, несмотря на большие потери, высадился у памятника Невельскому и ворвался в порт. Через два дня во Владивостоке наступило полное спокойствие, командующим войсками и флотом был назначен генерал-лейтенант Вержбицкий²²², а командующим Сибирской флотилией – капитан 2-го ранга Соловьев. В период, непосредственно следовавший за переворотом, Сибирская флотилия насчитывала 25 судов.

18 июня 1921 года вступил в командование Сибирской флотилией прибывший во Владивосток контр-адмирал Старк. На основании статьи 63 Морского устава командующий флотилией созвал военный совет под своим председательством в составе контр-адмирала В.И. Подъяпольского²²³, контр-адмирала В.В. Безуара²²⁴, инженера-механика генерал-лейтенанта А.И. Ухлина²²⁵, военного инженера полковника А.И. Ярона²²⁶, капитана 1-го ранга А.Н. Нелля²²⁷, капитана 1-го ранга Н.Ю. Фомина, капитана 1-го ранга Н.С. Харина²²⁸ и старшего лейтенанта Г.С. Серебренникова²²⁹, вынесший следующую резолюцию:

«1. Флот должен считать, что единственным врагом Российского Государства в данный момент являются коммунисты. Посему все находящиеся в Крае национальные силы должны быть направлены к борьбе с ними.

2. Все разногласия, происходящие в среде военно-сухопутного командования, ни в коем случае не должны отражаться на флоте, который в междоусобных действиях не должен принимать никакого участия, сохраняя во внутреннем строе своем полную независимость, памятуя, что все чины флота и Морского ведомства служат делу Единой России и несут перед ней всю полноту ответственности за честь Андреевского флага и вверенное им имущество.

3. Флот в целом подчиняется Военному Командованию, которое выкажет способность объединить все национальные вооруженные силы Края и будет признано Краевым Правительством, опирающимся на Народное Собрание.

4. В настоящий момент все чины Флота и Морского Ведомства на Дальнем Востоке должны подчиниться исключительно Командующему Флотилией, контр-адмиралу Ю.К. Старку, в порядке служебной подчиненности и исполнять все его распоряжения беспрекословно».

Утвердив это постановление, командующий Сибирской флотилией контр-адмирал Старк отдал по флотилии приказ от 1 июня 1921 года № 120, закончив его требованием от всех чинов флота и Морского ведомства полного подчинения, забвения личных интересов и спокойной и дружной работы на общее благо. Эти мероприятия вывели флотилию с арены политической распри и позволили заниматься текущей работой.

К осени 1921 года корабли имели некоторое вооружение и винтовки, неофициально полученные от японского морского командования, под предлогом необходимости вооружения морской милиции. К октябрю была сформирована из добровольцев отдельная рота морских стрелков.

23 сентября 1921 года личный состав флотилии неожиданно получил многочисленное и хорошее по своему составу пополнение. Во Владивосток прибыл пароход «Франц Фердинанд», привезший из Месопотамии интернированных русских беженцев, среди которых находился личный состав Каспийской флотилии под командой капитана 1-го ранга Б.М. Пышнова, чис-

лом около 80 офицеров и свыше 200 матросов всех специальностей. Этот отряд, как известно отступивший через Энзели и Персию в Месопотамию, после крушения южно-русского правительства генерала Врангеля был взят англичанами и содержался на положении интернированных в лагере Танум, вблизи порта Басра. В августе 1921 года англичане посадили весь отряд на уходивший из Месопотамии транспорт «Франц Фердинанд» и доставили во Владивосток.

С прибытием месопотамцев боеспособность Сибирской флотилии значительно повысилась, не только в смысле уровня технических знаний в среде личного состава, но и в политическом отношении. Люди этого отряда, из которых часть была участниками похода генерала Корнилова, часть из Морской роты капитана 1-го ранга Потемкина и большинство – балтийцы, были чужды приморских специфических ориентаций и потому, не раздираемые никакими внутренними интригами политического характера, внесли с собой то дружное настроение, которое всегда необходимо для успеха работы.

Прибытие с ними нескольких молодых штаб-офицеров и лейтенантов позволило командующему флотилией произвести замену некоторых чинов своего штаба и командиров кораблей. Временно исполняющим обязанности начальника штаба и флаг-капитана по распорядительной части был назначен вновь прибывший капитан 2-го ранга А.П. Ваксмут, вместо контр-адмирала Подъяпольского, который остался лишь в должности директора маяков и лоций Тихого океана. Капитан 2-го ранга Гарковенко²³⁰ был назначен флаг-капитаном по оперативной части вместо уволенного от службы лейтенанта Прозорова²³¹. Капитан 2-го ранга С. Ильвов, лейтенант И. Тихомиров и старший лейтенант М. Сафронов²³² были назначены командирами миноносцев «Твердого», «Инженера-механика Анастасова» и «Бойкого»; старший лейтенант Буцкой был назначен командиром посыльного судна «Илья Муромец». Была учреждена должность флагманского интенданта, на которую был назначен старший лейтенант В. Гинтер²³³. Плавающие средства порта, укомплектованные раньше вольнонаемным составом, были заменены военными служащими из числа прибывших на «Франце Фердинанде». Заведующим плавающими средствами был назначен капитан 1-го ранга Пышнов, который и оставался в этой должности до конца пребывания белой флотилии во Владивостоке.

В конце августа 1922 года командующий флотилией адмирал Старк был назначен начальником тыла, и на флотилию с принадлежащими ей сухопутными частями легли следующие задачи: 1. Охрана Владивостока. 2. Борьба с партизанами на полуострове Муравьев-Амурский в Посыетском районе. 3. Охрана побережья Татарского пролива. 4. Поддержка блокады побережья залива Петра Великого к востоку от Владивостока. 5. Оборона Камчатки. 6. Охрана звериных и рыбных промыслов и лесных богатств в районе побережья, занятого белыми. 7. Доставка пополнений и грузов отряду генерала Пепеляева на побережье Охотского моря. Вся эта работа потребовала исключительного напряжения состава флотилии.

25 августа 1922 года, когда «Илья Муромец» (командир старший лейтенант Буцкой) со взводом морских стрелков вышел из Владивостока и до 31 августа держался в районе Джигит – Терней – Самарга, – кораблем был захвачен японский моторный катер с тремя вооруженными партизанами, шедший с почтой от красного начальства из Тетюхэ в Терней. Факт этот подтверждает сведения, что красные за деньги пользовались японскими судами и катерами для перевозки небольших частей и почты! 28 августа началась эвакуация японскими войсками Спасского района, а затем в течение сентября и Владивостока.

26 сентября правитель издал указ, в коем говорилось, что ввиду критического положения все силы и средства должны быть обращены к защите края. Согласно указу временно закрывались все высшие учебные заведения и военные училища, для призыва учащихся в войска призывалось ополчение: во Владивостоке 4000 человек и в Никольске 700 человек, формировались офицерские батальоны, ратники снабжались теплой одеждой из средств городских

самоуправлений и, по готовности, немедленно отправлялись на фронт, и образовывался особый фонд на нужды войны.

Между тем красные, подтянув резервы, начали обнаруживать особую активность на фронте. Уже 6 октября через офицера для связи при штабе рати адмирал Старк получил от Правителя следующую телеграмму:

«Срочно Владивосток Начальнику Была, адмиралу Старк для личного расшифрования:

По приказанию Правителя срочно передаю Начальнику Тыла: шестого октября (1922) вполне определился переход противников к активным действиям с участием подкреплений, прибывших из Забайкалья. Несмотря на частичные успехи наших контрударов, недостаток ружейных патронов ясно мне указывает, что борьба не может быть затяжной, ибо отстаивать упорно территорию одной артиллерией и холодным оружием против пулеметов и ружейного огня не представляется возможным. В такой обстановке меня беспокоят семьи армии во Владивостоке. Подготовьте необходимые плавучие средства, чтобы в крайности перебросить семьи на Русский Остров.

Дитерихс Кавторанг Четвериков».

В октябре же началась эвакуация. Из частных судов и пароходов Добровольного флота был составлен отряд транспортов. Всего эвакуации подлежало 10 тысяч человек, считая в том числе несколько сот раненых, для которых попечением Правителя было зафрахтовано два японских парохода. Эвакуация Владивостока протекала, во всех деталях строго следуя секретному оперативному приказу командующего Сибирской флотилией от 23 октября 1922 года № 26. Этот приказ, рассчитанный по часам, был выполнен в совершенном порядке, точно в назначенные сроки. К 11 часам ночи 24 октября Владивосток был очищен белыми частями. Красные вступили в город, очищенный японцами, в 10 часов утра 25 октября, но не имели плавучих средств для преследования флотилии белых.

В ночь на 26 октября корабли, в количестве 25, сосредоточились в Посъете. Кроме того, находились еще суда флотилии на Камчатке, на пути из Охотского моря и на пути разных пунктов побережья, около десятка боевых судов. Все эти корабли с находившимися на них войсками и беженцами направлялись в японский порт Гензан, находившийся в 360 милях от Посъета. Будущее флотилии было окутано мраком, а пока была борьба со стихией при совершенно невероятной обстановке.

Командующий флотилией адмирал Старк в этих условиях мог лишь в известной мере руководствоваться письменными указаниями тогдашнего русского морского агента в Токио адмирала Б.П. Дудорова. Дальше... Фузан, Шанхай... Утром 4 декабря 1922 года, когда дивизионы находились на расстоянии 150–180 миль от Шанхая, внезапно налетел сильный шквал с норд-оста, превратившийся в шторм силой в 8–9 баллов. Когда флотилия стянулась на рейде Вузунг в Ян-цы-Кианге, то не досчитались флагманского корабля дивизиона «Лейтенанта Дыдымова». Обстоятельства гибели «Лейтенанта Дыдымова» так и остались невыясненными. На нем погибли начальник 3-го дивизиона капитан 1-го ранга Соловьев с семьей, командир старший лейтенант Семенец²³⁴, старший лейтенант Недригайло²³⁵ и около 80 человек команды и пассажиров-кадет. Еще раньше, тоже в непогоду, утонул катер «Ретвизанчик» и выскочил на песчаный берег катер «Усердный». Пароходы Добровольного флота «Сишан» и «Томск», застигнутые событиями в японских портах после эвакуации Камчатки, не без вмешательства японцев ушли... в красный Владивосток.

В январе 1923 года флотилия, изнуренная всевозможными неудачами и лишениями, как и до крайности потрепанная штормами, прибыла в Филиппины. Там часть кораблей была продана, часть же за негодностью брошена, а большинство личного состава, кто как умел и имел

возможность, перебросилось в Австралию, Новую Зеландию, Северную и Южную Америку, Китай, Европу и т. д.

Крымская эвакуация Исход русского флота (октябрь – ноябрь 1920 года)

Хотя черноморский белый фронт в начале 1920 года был достаточно силен, чтобы держать под контролем не только побережье занятого добровольческими армиями Крымского полуострова, но и все берега Черноморско-Азовского бассейна, – общая политическая обстановка внешнего мира складывалась не в пользу планов, намеченных Главнокомандующим юга России.

В связи с приказом командующего Черноморским флотом адмирала Саблина от 20 июня 1920 года № 4896 военный флот, разделенный на три отряда, состоял из свыше 120 судов. С момента перенесения всей борьбы в Крым и назначения Главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России генерала барона П.Н. Врангеля было дано секретное приказание, на случай неуспеха на фронте перешейков, выработать план эвакуации армии, флота и учреждений из Крыма в Константинополь.

Секретным отношением начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России от 4 апреля 1920 года за № 002430, на имя командующего флотом, Главнокомандующий приказал, соблюдая полную секретность, в кратчайший срок подготовить соответствующий тоннаж для перевозки в случае необходимости около 100 тысяч человек в Константинополь. Для этого предлагалось распределить нужный тоннаж по предполагаемым портам посадки с таким расчетом, чтобы было можно начать посадку на суда через 4–5 дней после начала отхода с перешейков. При этом давались пункты посадки и численное распределение войск по портам.

Наш неперенный долг вспомнить и здесь оценить по заслугам труды командующих Черноморским флотом вице-адмиралов Саблина и Ненюкова, начальника штаба контр-адмирала Николя²³⁶, начальника Морского управления вице-адмирала Герасимова, флагмана инженера-механика генерал-лейтенанта Ермакова²³⁷, контр-адмирала Евдокимова и подчиненных им лиц.

12 октября 1920 года командующим Черноморским флотом и начальником Морского управления был назначен контр-адмирал М.А. Кедров²³⁸, заменивший больного и через несколько дней скончавшегося вице-адмирала Саблина, а начальником штаба одновременно был назначен контр-адмирал Н.Н. Машуков.

27 октября 1920 года командующим флотом были назначены в порты посадки старшие морские начальники, коим были даны соответствующие инструкции на случай эвакуации. В Евпаторию был назначен контр-адмирал Клыков²³⁹, в Ялту – контр-адмирал Левитский²⁴⁰, в Феодосию – капитан 1-го ранга Федяевский²⁴¹ и в Керчь – начальник 2-го отряда судов контр-адмирал М.А. Беренс.

30 октября командующий флотом послал следующую срочную телеграмму за № 0063:

«Генералу Кутепову, генералу Абрамову, командиру конного, начдиву Кубанской и кору Донского.»

Пароходы для войск поставлены по портам согласно директивам Главкома. Эвакуация может быть обеспечена, только если на Севастополь выступят первый и второй корпуса, на Ялту конный корпус, на Феодосию кубанцы и на Керчь донцы. Если же войска будут отступать не по дислокации, то никого не увезти. Убедительно прошу выполнить дислокацию и дать флоту возможность исполнить свой долг перед армией. Командующий флотом адмирал Кедров».

После того как последний солдат был посажен на корабль и в Севастополе больше ни одной военной части не оставалось, в 14 часов 50 минут 2 ноября 1920 года прибыл с Графской пристани на крейсер «Генерал Корнилов» Главнокомандующий генерал Врангель в сопровождении ближайших чинов штаба и отдал приказание сниматься с якоря. На борту крейсера были штаб Главкома, штаб командующего флотом, особая часть штаба флота, Государственный банк, семьи офицеров и команды крейсера и пассажиры – всего 500 человек.

Небезынтересно сказать здесь несколько слов об эвакуации Морского корпуса. 30 октября баржа «Тилли», нагруженная тюками и ящиками с обмундированием, книгами, съестными припасами и всякой утварью, подошла к борту линейного корабля «Генерал Алексеев», стоявшего в Южной бухте. Под руководством капитана 1-го ранга Н.Н. Александрова²⁴² весь день и всю ночь кадеты перегружали корпусное имущество. Старшие из кадет заняли караульные посты у погребов, в кочегарках и у механизмов, охраняя их от возможного саботажа со стороны уходивших на берег матросов.

С разрешения капитана 1-го ранга Александрова одно отделение гардемарин оставалось в помещении корпуса. На стоявшую у корпусного мола угольную баржу они погрузили все корпусное хозяйство и провиант и отбуксировали этот «Ноев ковчег» к «Генералу Алексееву», который таким образом был обеспечен свежим мясом. Старший офицер корабля старший лейтенант А.Н. Павлов²⁴³ проверил наличие команды и пассажиров. Командир «Генерала Алексеева» капитан 1-го ранга Борсук²⁴⁴ около полуночи 31 октября дал ход.

Все вышедшие 31 октября из Евпатории суда благополучно прибыли в Константинополь, и только небольшой катер «Язон», шедший на буксире парохода «Эльпидифор», обрубив ночью буксиры, ушел, видимо в Севастополь. На «Язоне», кроме команды в 10–15 человек, никого посторонних не было. Все вышедшие 1-го и 2 ноября из Ялты суда благополучно выдержали переход через бурное в ту пору Черное море. Последний русский корабль – вооруженный ледокол «Гайдамак» под флагом контр-адмирала Машукова покинул Ялту в 13 часов 15 минут 2 ноября. Все суда, вышедшие из Феодосии, кроме канонерской лодки «Кавказ», которую ввиду трудности ее буксировки комендант парохода «Владимир» приказал затопить в море, сняв с нее людей и Андреевский флаг (ныне находящийся в музее О.О.Р.И.Ф. в Нью-Йорке), благополучно пришли в Константинополь утром 4 ноября.

4—5 ноября были вывезены из Керчи не только войска, отходившие на Керчь, в числе гораздо большем, чем предполагалось, но и войска, пришедшие из Феодосии и там, за нехваткой тоннажа, не взятые. Перегрузка людьми была такова, что люди не могли даже сидеть, а приходилось чуть ли не весь переход стоять плечом к плечу. Пресной воды вообще в Керчи очень мало, и запасы ее были минимальные, и на многих из кораблей вода была на походе выпита, даже вся вода из недействующих котлов, с примесью масла и пр. Все же суда, вышедшие из Керчи, выдержав в Черном море норд-остовый шторм силой в семь баллов, пришли в Константинополь, потеряв лишь эскадренный миноносец «Живой». На миноносце находились лейтенант Нифонтов²⁴⁵, гардемарин Скупенский²⁴⁶, пять человек команды и 250 человек пассажиров, главным образом офицеров Донского полка. Когда по приходе всех судов в Босфор выяснилось, что эскадренный миноносец «Живой» не пришел, то совместно с русскими судами было послано в море на поиски «Живого» и несколько французских военных судов; по всем данным, миноносец погиб при налетевшем шторме.

Еще 3 ноября 1920 года французский адмирал Дюмениль по радио обратился к Главнокомандующему со следующим приветствием:

«Генералу Врангелю:

Офицеры и солдаты Армии Юга в продолжение 7-ми месяцев под вашим командованием подали великолепный пример храбрости, сражаясь с противником в 10 раз сильнее, дабы

освободить Россию от постигшей тирании. Но борьба эта была чересчур неравная, и вам пришлось покинуть вашу Родину. По крайней мере, вы имеете удовлетворение в сознании великолепно проведенной эвакуации, которую французский флот, подавший вам помощь, счастлив видеть хорошо законченной. Ваше дело не будет бесполезным, население Юга быстро сумеет сравнить вашу власть, справедливую и благожелательную, с мерзким режимом Советов, и вы тем самым окажете помощь возвращению разума и возрождению вашей страны, что желаю, чтобы произошло в скором времени.

Адмирал, офицеры и матросы французского флота низко кланяются перед генералом Врангелем, дабы почтить его храбрость».

Находясь еще в море, Главнокомандующий послал следующую радиотелеграмму в Константинополь А. В. Кривошеину²⁴⁷ для широкого распространения:

«Русская Армия, оставшись одинокой в борьбе с коммунизмом, несмотря на полную поддержку крестьян, рабочих и городского населения Крыма, вследствие своей малочисленности, не смогла отразить натиск во много раз сильнеею противника, перебросившего войска с польского фронта. Я отдал приказ об оставлении Крыма, учитывая те трудности и лишения, которые Русской Армии придется перетерпеть в ее дальнейшем крестном пути, я разрешил желающим остаться в Крыму. Таких почти не оказалось. Все казаки и солдаты Русской Армии, все чины Русского флота, почти все бывшие красноармейцы и масса гражданского населения не захотели подчиниться коммунистическому игу. Они решили идти на новое тяжелое испытание, твердо веря в конечное торжество своего правого дела. Сегодня закончилась посадка на суда, везде она прошла в образцовом порядке. Неизменная твердость духа флота и господство на море дали возможность выполнить эту беспрецедентную в истории задачу и тем спасти Армию и население от мести и надругания. Всего из Крыма ушло около 150 000 человек и 120 судов Русского флота.

Настроение войск и флота отличное, у всех твердая вера в конечную победу над коммунизмом и в возрождение нашей Великой Родины. Отдаю Армию, Флот и выехавшее население под покровительство Франции, единственной из Великих Держав, оценившей мировое значение нашей борьбы».

3/16 ноября все русские корабли, как военные, так и коммерческие, вышедшие из портов Крыма, кроме одного эскадренного миноносца «Живой», пришли в Царьград и стали на якоре на рейде Мода. Эвакуация закончилась. Русский флот, несмотря на все свои недочеты, преодолевая все трудности, отлично справился с выпавшей на его долю труднейшей задачей. Еще 3 ноября, в море, приказом Главнокомандующего за № 2207 командующий Черноморским флотом контр-адмирал Кедров был произведен за особые отличия по службе в вице-адмиралы. Несколько позже был произведен в генерал-лейтенанты начальник морского транспорта инженер-механик генерал-майор Ермаков.

Командующий флотом 4 ноября, в море, отдал следующий приказ за № 5:

«Флагманы, командиры, офицеры и матросы Черноморского Флота. В неравной борьбе нашей с неисчислимыми превосходными силами противника, Русской Армии, истекающей кровью, пришлось оставить Крым. На доблестный Черноморский Флот выпала исключительная по трудности задача: почти без иностранной помощи своими средствами и силами в весьма кратчайший срок, в осеннее время нужно было подготовить и эвакуировать из Крыма армию и часть населения, общей численностью около 150 000 человек. Черноморский Флот, сильный своим духом, блестяще справился с этой задачей. Из всех портов Крыма, в 3-дневный срок, почти одновременно, по составленному заранее плану, транспорты, перегруженные до край-

ности, под прикрытием военных судов вышли в Константинополь. Одновременно были выведены на буксирах все находившиеся в ремонте большие суда и плавучие средства, имеющие какое-нибудь боевое значение. Противнику оставлены только старые коробки со взорванными еще в прошлом году иностранцами механизмами.

Наш Главнокомандующий, желая отличить такую исключительную работу флота, произвел меня, вашего Командующего Флотом в вице-адмиралы. Низко кланяюсь и благодарю вас за эту честь. Не ко мне, а к вам относится эта награда. Не могу не отметить исключительной работы моего Начальника Штаба контр-адмирала Машукова. Не буду говорить об этой работе его – вы ее все видели, оценили и откликнулись, следствием чего явилась ваша доблестная и исключительная по достигнутым результатам работа. Адмирал *Кедров*».

8/21 ноября Главнокомандующий отдал следующие два приказа:

№ 4187

«Тяжелая обстановка, сложившаяся в конце октября для Русской Армии, вынудила меня решить вопрос об эвакуации Крыма, дабы не довести до гибели истекавшие кровью войска в неравной борьбе с наседавшим врагом. Вся тяжесть и ответственность за успех предстоявшей работы ложилась на доблестный наш флот, бок о бок с армией разделявший труды и лишения Крымского периода борьбы с угнетателями и насильниками Родины.

Трудность задачи, возлагавшейся на флот, усугублялась возможностью осенней погоды и тем обстоятельством, что, несмотря на мои предупреждения о предстоящих лишениях и тяжелом будущем, около полутора тысяч русских людей – воинов, рядовых граждан, женщин и детей – не пожелали подчиниться насилию и неправде, предпочтя исход в неизвестность. Самоотверженная работа флота обеспечила каждому возможность принятого им решения. Было мобилизовано все, что не только могло двигаться по морю, но даже лишь держаться на нем.

Стройно и в порядке, прикрываемые боевой частью флота, отрывались один за другим от русской земли перегруженные пароходы и суда, кто самостоятельно, кто на буксире, направляясь к дальним берегам Царьграда.

И вот перед ними невиданное в истории человечества зрелище: на рейде Босфора сосредоточилось свыше сотни российских вымпелов, вывезших многие тысячи российских патриотов, коих готовилась уже залить красная лавина своим смертоносным огнем.

Спасены тысячи людей, кои вновь объединены горячим стремлением выйти на новый смертный бой с насильниками земли русской. Великое дело это выполнено Российским Флотом, под доблестным водительством его контр-адмиралом Кедровым.

Прошу принять Ваше Превосходительство и всех чинов военного флота от старшего до самого младшего мою сердечную благодарность за самоотверженную работу, коей еще раз поддержана доблесть и слава Российского Андреевского флага.

От души благодарю также всех служащих коммерческого флота, способствовавших своим трудом и энергией благополучному завершению всей операции по эвакуации Армии и населения из Крыма.

Генерал *Врангель*».

№ 4771

«Эвакуация из Крыма прошла в образцовом порядке. Ушло 120 судов, вывезено около 150 000 человек. Сохранена грозная русская военная сила.

От лица службы приношу глубокую благодарность за выдающуюся работу по эвакуации Командующему Флотом вице-адмиралу Кедрову, генералам Кутепову, Абрамову, Скалону, Стогову, Барбовичу, Драценко и всем чинам доблестного Флота и Армии, честно выполнявшим работу в тяжелые дни эвакуации.

Генерал *Врангель*».

Реорганизация флота в эскадру

По приходе флота в Константинополь и после начала демобилизации пароходов, а также вспомогательных военных судов и расформирования служб и учреждений, ставших теперь излишними, наименование флот не соответствовало уже по своему количеству и составу Русским вооруженным силам, а потому Черноморский флот приказом командующего флотом за № 11 от 21 ноября 1920 года переименован в Русскую эскадру. Командующий эскадрой старший флагман вице-адмирал М.А. Кедров. Начальник штаба Русской эскадры контр-адмирал Н.Н. Машуков.

1-й отряд: младший флагман контр-адмирал П.П. Остелецкий. Линейный корабль «Генерал Алексеев» – командир капитан 1-го ранга И.К. Федяевский, крейсер «Генерал Корнилов» – командир капитан

1-го ранга В.А. Потапьев, вспомогательный крейсер «Алмаз» – командир капитан 1-го ранга В.А. Григорков²⁴⁸.

Дивизион подводных лодок (начальник старший из командиров): подводная лодка «Буревестник» – командир старший лейтенант Оффенберг²⁴⁹, подводная лодка «Утка» – командир капитан 2-го ранга Н.А. Монастырев²⁵⁰, подводная лодка «Тюлень» – командир капитан 2-го ранга М.В. Копьев²⁵¹, подводная лодка «АГ-22» – командир старший лейтенант К.А. Матвеевич-Мациевич²⁵², база подводных лодок транспорта «Добыча» – командир капитан 2-го ранга Краснопольский²⁵³.

2-й отряд: младший флагман контр-адмирал М.А. Беренс. Эскадренный миноносец «Пылкий» – командир капитан 2-го ранга А.И. Кублицкий²⁵⁴, эскадренный миноносец «Дерзкий» – командир капитан 1-го ранга Н.Р. Гутан 2-й²⁵⁵, эскадренный миноносец «Гневный», эскадренный миноносец «Цериго», эскадренный миноносец «Капитан Сакен» – командир капитан 2-го ранга А.А. Остолопов, эскадренный миноносец «Жаркий» – командир старший лейтенант А.С. Манштейн, эскадренный миноносец «Звонкий» – командир старший лейтенант М.М. Максимович²⁵⁶, эскадренный миноносец «Зоркий» – командир капитан 2-го ранга В.А. Зилов²⁵⁷.

3-й отряд: младший флагман контр-адмирал А.М. Клыков. Канонерская лодка «Страж» – командир капитан 2-го ранга К.Г. Люби²⁵⁸, канонерская лодка «Грозный» – командир старший лейтенант Р.Э. фон Вирен, канонерская лодка «Якут» – командир капитан 1-го ранга М.А. Кителин, канонерская лодка «Лукулл» – командир старший лейтенант Б.Н. Степанов²⁵⁹. Тральщики: «Альбатрос», «Баклан», «Китобой» – командир лейтенант О.О. Ферсман. Сторожевой катер «Капитан 2-го ранга Медведев». Гидрографические суда: «Казбек» и «Веха» – командир штабс-капитан по адмиралтейству Е.А. Поляков²⁶⁰. Буксиры: «Черномор» – командир капитан 2-го ранга В.А. Бирилев, «Голланд» – командир лейтенант Н.В. Иваненко²⁶¹, «Бельбек», «Севастополь».

4-й отряд: младший флагман инженер-механик генерал-лейтенант М.П. Ермаков. Ледоколы: «Илья Муромец» – командир капитан

2-го ранга И.С. Рыков, «Всадник» – командир старший лейтенант Ф.Э. Викберг²⁶², «Джигит», «Гайдамак» – командир капитан 1-го ранга В.В. Вилькен²⁶³. Транспорт: «Дон» – командир капитан 1-го ранга С.И. Зеленый²⁶⁴, «Крым» – командир штабс-капитан по адмиралтейству Я.С. Андросов²⁶⁵, «Далланд» – командир капитан 1-го ранга Я.И. Подгорный,

«Шипка» – капитан 2-го ранга Д.К. Нелидов²⁶⁶, «Самара» – командир контр-адмирал А.Н. Заев, «Екатеринодар» – командир капитан 2-го ранга Н.А. Ивановский²⁶⁷.

Транспорты: «Рион», «Инкерман», «Поти», «Ялта», «Сарыч», «Осторожный», «Туркестан», «Ольга» (Сухум), «Заря», «Псезуапэ», «№ 410» (Вера), «№ 412», «№ 413».

Добровольного флота: «Владимир», «Саратов», «Колыма», «Иртыш», «Херсон», «Витим», «Омск» и «Доброволец».

Дунайского пароходства: «Александр Невский», «Русь», «Моряк» и «Адмирал Кашерининов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.